

Валерий Пылаев
СТАТСКИЙ СОВЕТНИКЪ

Валерий Пылаев
Горчаков. Статский советник
Серия «Горчаков», книга 5

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68738409

Аннотация

1967 год. Мир, которым правит магия аристократов. Где рок-н-ролл звучит даже во дворце ее Императорского величества, а отечественные «Волги» успешно сражаются на ночных улицах с американскими «Понтиаками».

Очередная бешеная гонка по Санкт-Петербургу заканчивается трагедией. Врачи и целители, уже приговорившие юного князя Горчакова к смерти, списывают чудесное спасение на внезапно проснувшийся Дар. Но даже родовая магия не в силах объяснить, почему у парня полностью изменились привычки и вкусы... И откуда берутся странные сны о местах, в которых ему еще не приходилось бывать.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	56
Глава 8	65
Глава 9	74
Глава 10	83
Глава 11	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Валерий Пылаев Горчаков. Статский советник

Глава 1

- Знаешь, почему мы носим эти знаки на одежде?*
- Черные черепа? Они... они страшные.*
- Может быть. Это особый знак. Его использовали...*
- Давно? Еще до войны?*

Снова знакомый сон – и снова с продолжением. Девчонка с глазами цвета летнего неба, тяжелые шаги внизу, чудовище с трехпалой металлической лапой, короткая схватка, боль... и пустота.

Только на сей раз и этим все не закончилось. Я не мог открыть глаза, не мог пошевелиться, не мог даже вдохнуть – да и вдыхать было уже нечем. Изломанное мертвое тело осталось где-то там, так далеко, что не получалось и представить. Однако сам я еще... нет, не жил – но пока еще существовал. Без памяти, без мыслей. Без времени. Просто ждал. Может, целую тысячу лет, плавая крохотной искрой посреди бесконечного и темного ничто.

Пока не зазвучали голоса.

– Он?.. Меня порой удивляет твой выбор, – негромко проговорил первый. – Ни знаний, ни нужного опыта... Нет даже настоящей силы. Той, без которой совершить великое непросто. Почти невозможно.

– Позвольте не согласиться. – Второй голос явно принадлежал женщине. – Вы ведь сами говорили, что сила порой не значит ничего. Знания могут принести лишь небольшую пользу. А опыт... разве его недостаточно? Разве он мало повидал за свою жизнь, разве мало сделал?

– Ему совсем немного лет.

– Тридцать семь. Не так уж и немного для человека из его мира. А некоторые годы стоят десятка.

Спасенная мною девчонка явно хотела что-то доказать... Определено это была она – я узнал голос. Просто теперь он звучал чуть ниже, глубже и как-то волнующе, будто его обладательница каким-то образом успела повзрослеть за эти...

Сколько лет? Десять? Двадцать? Тысячу?

Но и второй, ее собеседник, тоже показался мне смутно знакомым. Старик; судя по скрипучему голосу – совсем древний. Уже повидавший всякое, и оттого особенно недоверчивый и даже упрямый.

– Что это меняет? – вздохнул он. – То, что его ожидает, потребует куда большего. Нам предстоит создать великого среди великих, ты потратила столько времени – а нашла...

– Обычного человека? – Девчонка-женщина едва слышно

усмехнулась. – Может, и так. Но в нем есть душа, такая же, как у нас с вами. И ее свет не погас даже там, где всегда темно. А это стоит не меньше душой славы и тонкого ума тех, кого мы приводили сюда раньше. К тому же он видел то, чего не видели они, и знает цену всему.

– Неужели ты веришь?..

– Да. Порой великое порождает малое, а малое – становится великим, – отозвалась девчонка. – И там, где не справились другие, он преуспеет.

– А может, и нет! – Старикашка явно был не в восторге от происходящего. – Наши силы на исходе. И если не получится на этот раз – мы уже не сможем повторить подобное... Нет, слишком рискованно. Отпусти его. Он заслужил покой.

Что?.. Нет уж, я так не договаривался. Какие-то премудрые сущности обсуждали мою судьбу, собирались решать что-то – и даже не удосужились поинтересоваться моим мнением!

– Эй! – заорал я изо всех сил. – Вообще-то я еще здесь!

Но высшие силы молчали. То ли не услышали, то ли посчитали недостойным ни ответа, ни даже самого моего присутствия на великом совете. Поэтому и вышвырнули из небытия обратно.

Прямо в мою комнату в Елизаветине.

Почти полминуты я ворочался на мокрой от пота простыне и пыхтел, пытаясь осилить целебное плетение. И лишь потом кое-как сполз с кровати, умылся и решил, что ложиться-

ся обратно в половине пятого утра нет никакого смысла. Конечно, я мог бы урвать еще полтора, а то и два часа сна, однако даже возвращаться в постель уже не хотелось – ничего хорошего меня там не ожидало.

Сны, почти успевшие забыться, снова вернулись – и теперь стали куда продолжительнее и красочнее, а пробуждение – куда неприятнее. Будто неведомая сила таким образом пыталась напомнить мне что-то важное, ничуть не стесняясь в средствах.

Но толку было немного.

В общем, с того самого дня, как началась война, спал я отвратительно, и утро приносило лишь сомнительное облегчение. Я не соврал Багратиону: работы у нас точно прибавилось – и еще вопрос, у кого больше. Третье отделение до сих пор разгребало ворох июньских дел, а на нас с дедом свалилось перевооружение целой армии, которая стремительно пополнялась новобранцами. Конечно, Павел еще не объявлял масштабной мобилизации, но резервы наращивались ударными темпами... и уж точно не зря.

Вести из Привислинских губерний добирались до Елизаветина куда раньше тех, о которых говорили по радио или в телевизионных выпусках. Впрочем, радоваться было нечему: войска рейха за какие-то пару дней, буквально с наскока взяли приграничные Ченстохов и Калиш и продвинулись дальше. Лодзь пала уже позже, в июле, и застряли немцы только под самой Варшавой. Видимо, нашелся все-таки тол-

ковый генерал, способный если не отбросить германскую военную машину обратно к границе, то хотя бы удержать столицу.

Впрочем, даже это не помешало немцам пройти южнее, и временно возглавивший рейх канцлер Каприви уже всю облизывался на Люблин. В общем, дела шли не то чтобы плохо – но куда хуже, чем хотелось бы. Кто-то или в разведке, или повыше, в самом Зимнем, крупно просчитался. Тревожные вести приходили едва ли не с весны, а никаких действий местные власти за Вислой, похоже, так и не предприняли. Немцы собрали у самой границы бронированный кулак и врезали так, что оправиться у императорской армии не получалось до сих пор.

Но здесь, в Петербурге, почти ничего не изменилось – разве что разговоры в салонах высшего света, где я не появлялся целый месяц. Столица жила привычной жизнью и о войне узнавала только по телевизору или из газет. Вроде той, что ждала меня на столике в гостинной.

Однако ни времени, ни желания читать не было. Утро уже настало – а значит, пришло время залить в себя чего-нибудь бодрящего и снова стать наследником и фактически главой княжеского рода Горчаковых.

Со всеми вытекающими.

Я не стал беспокоить Арину Степановну, сам сварил себе кофе и, зевая, вышел во двор. Усадьба спала – только вдалеке у забора прогуливался охранник с собакой. Еще двоих я

разглядел в караулке у ворот, но на самом деле их было значительно больше: после того, что в желтых газетах называли «июньской казнью», в столице стало куда спокойнее, однако дед с Андреем Георгиевичем так и не отказались от «усиленных мер». Наверняка пара человек круглосуточно дежурили еще на самом съезде с шоссе в Елизаветино.

И тем удивительнее мне было вдруг услышать раздавшееся в тишине неровное рычание мотора. А когда через несколько мгновений вдалеке за воротами показались фары, я и вовсе замер, не донеся до рта кружку с кофе. Машину узнал без труда даже в утреннем полумраке: на древнем «назике» шестьдесят седьмой модели во всем Петербурге ездил, пожалуй, только Судаев.

Толковый, опытный и до тошноты аккуратный во всем, что касалось оружия, конструктор относился к собственному транспортному средству не только безалаберно, но еще и без малейшего уважения: ругался, пинал колесо, однако менять на что-нибудь поновее почему-то не желал. И машина отвечала взаимностью: выкрашенная в серый цвет развалюха выглядела чуть ли не ровесницей владельца, каждый раз заводилась с немислимым усилием, плевалась сизым дымом – и все же по какой-то неизвестной мне причине еще ездил. Так что в ее способности добраться до Елизаветина я ничуть не сомневался.

Оставался только вопрос – зачем?

Впрочем, искать здесь – да еще в такое время – Судаев мог

только меня. И едва ли пожаловал без уважительной причины... он вообще не слишком-то любил покидать свою святая святых на оружейном заводе. Видимо, стряслось что-то из ряда вон выходящее – осталось выяснить, хорошее или все-таки плохое.

Я вздохнул, поправил рубашку и направился к воротам – делать было, в общем, больше нечего. А без моего личного присутствия разгоравшийся на въезде в усадьбу спор определенно грозил перерасти в драку. Охранник – рослый парень в форме – уже успел выйти за забор и теперь сурово нависал над выбравшимся из машины Судаевым. Тот был вдвое старше и смотрелся куда менее внушительно, но я прекрасно помнил, что оружейник вытворял со своими железками на заводе безо всякого Дара. В жилистых руках скрывалась такая силища, что я, в случае чего, и сам бы поостерегся лезть на рожон.

– А я вам говорю – их сиятельства еще спят! – Охранник сердито стукнул о землю прикладом винтовки. – Не велено!

– Да мне на твое не велено... – огрызнулся Судаев. – Зови, кому сказано!

– Доброго утра, милостивые судари. – Я на всякий случай подал голос еще издалека. – Что у вас тут стряслось?

– Да вот, ваше сиятельство...

Охранник растерялся – явно не ожидал увидеть меня у ворот, да еще и в такую рань. А вот Судаева пронять оказалось куда сложнее: он просто смолк, сложил руки на груди и

терпеливо дождался, пока я выйду за ворота.

– Не предполагал, что могу встретить вас здесь в такой час, Алексей Иванович, – шагнул я Судаеву навстречу. – Но, видимо, у вас была особая причина приехать из города лично... Что-то случилось?

– Нет. Пока еще нет, к счастью, – отозвался оружейник. – Но я хотел бы побеседовать с вами... с глазу на глаз. Если, конечно, это возможно.

По сравнению с обычным Судаевым этот – появившийся на рассвете в клубах сизого дыма от древней машины – проявлял чуть ли не чудеса учтивости. Что само по себе казалось чем-то из ряда вон выходящим – так что возражать я, конечно же, не стал. Завидев мой жест, охранник послушно кивнул и через мгновение прикрыл за собой ворота. Хотя Судаеву и этого показалось недостаточно: он зачем-то дождался, пока тот уйдет еще дальше, к караулке, и только потом развернулся ко мне спиной и зашагал к машине – видимо, предмет нашей будущей беседы находился как раз там. Замок на двери багажника негромко щелкнул, и через мгновение передо мной появился увесистый сверток. Тускло блеснул вороненый металл, и я скорее догадался, чем разглядел в утренней дымке, что именно было под толстой зеленой тканью: оружие. Очередная винтовка, судя по всему. И весьма занятной конструкции.

– Вот, ваше сиятельство, – тихо проговорил Судаев. – Не люблю говорить громких слов, но эта штукавина, возможно,

способна повернуть ход войны.

Глава 2

– Действительно громкие слова. – Я осторожно взял в руки винтовку. – Впрочем, давайте посмотрим.

Вопросов все еще было куда больше, чем ответов, однако любопытство победило. Судаев смог подцепить меня на крючок, и первым делом я принялся изучать, что же он привез с собой.

Новое творение напоминало одновременно и привычную «трехлинейку», и то, что я уже опробовал в Зеленой Роще, и даже скорострельный пистолет – но определенно не было ни тем, ни другим, ни уж тем более третьим.

Деревянные приклад и цевье с ручкой; сам корпус – из стали. Из-за него-то винтовка и казалась непривычно-угловатой и плоской. Заметно короче «трехлинейки», полегче, будто Судаев почему-то пожалел металла на ее изготовление... и все-таки довольно увесистая. Скорее всего, из-за длинного изогнутого магазина. Чересчур массивного для такой конструкции – во всяком случае, на первый взгляд. Туда помещался явно не десяток патронов и даже не два, а, пожалуй, все тридцать или даже больше штук. Тем не менее это не так уж портило баланс оружия и наверняка не помешало бы стрелять лежа.

Часть деталей остались без воронения, кое-где по краям торчали металлические заусенцы, а лак на дереве еще немно-

го прилипал к пальцам. Да и в целом винтовка выглядела так, будто ее собрали из того, что попало под руку, а в завершение еще и от души обработали напильником. Судаев явно заканчивал свое очередное детище в спешке – и в спешке же вез сюда, в Елизаветино, чтобы показать мне лично.

Только – зачем?

– Я много беседовал с теми, кто вернулся живым из Зеленой Рощи. И все говорили примерно одно и то же: винтовка тяжелая, сильная отдача. Патрон слишком мощный для стрельбы очередями. Фактически приходится работать одиночными, – принялся объяснять Судаев. – Можно сказать, я создал скорее что-то вроде легкого пулемета. Для Одаренного это не так важно, вот только если нужно вооружить рядовых солдат, подобное не имеет смысла.

– Пожалуй. – Я вспомнил собственные ощущения. – Вы сделали неплохое оружие. Крупный и сильный человек вполне с ним справится, но...

– Именно! – закивал Судаев. – Армии нужно что-то полегче и попроще, пусть даже ценой дальности боя и дульной энергии. В реальном бою редко приходится стрелять на сотни метров – зато куда важнее возможность выпустить побольше пуль. А еще – носить с собой патроны, перезаряжать... Этот образец сделан под японский патрон.

– Винтовка «Арисака»... – Я на мгновение задумался, вспоминая классы покойного Мамы-и-Папы. – Калибр шесть с половиной миллиметров, масса пули...

– Да, ваше сиятельство! – тряхнул головой Судаев. – Именно такое оружие и нужно пехоте. Чуть меньше пороха, гильза короче, чем у «трехлинейки», легче пуля – из-за этого снижается отдача и можно вести огонь очередями. Плюс – увеличенный боезапас на двадцать четыре патрона... Желаете попробовать?

– Нет... пожалуй, нет. – Я на мгновение представил, что сотворят дед с Андреем Георгиевичем, если я вдруг примусь палить из этой штуковины у реки за усадьбой. – Не вижу никаких причин не верить вам на слово, Алексей Иванович.

Соблазн был велик, и я все-таки сделал над собой усилие и ограничился тем, что повертел винтовку в руках, а потом уперся прикладом в плечо, взялся за деревянную ручку на цевье и прицелился в сторону дороги. Оружие показалось чуть перетяженным в центральной части – зато удобным и хватким. Недоставало разве что пистолетной рукояти, как на американских образцах, которые я в свое время видел; развесовка пока еще оставляла желать лучшего, магазин немногочисленный мешал, норовя зацепиться за локоть... И все-таки в новой конструкции Судаева определенно что-то было.

– Конечно же, я привез не готовую модель... Это даже прототипом-то назвать сложно. – В голосе Судаева на мгновение прорезалось смущение. – Пока что схема очень сырая. Нужно почти полностью переделать затворную группу, чуть укоротить ствол. Использовать вместо дерева пластик – это позволит еще облегчить оружие... а заодно и сам процесс

изготовления. Но самое главное – здесь. – Судаев протянул руку и коснулся магазина. – В первую очередь нужно разработать подходящий патрон. Японский как полноценный винтовочный все-таки тяжеловат. И к тому же он...

– Японский, – улыбнулся я. – Прекрасно вас понимаю, Алексей Иванович.

– Такое оружие, – Судаев снова ткнул пальцем в железку в моих руках, – может перевернуть само представление о пехотном бое. И дело, конечно же, не в механизме... не только в механизме или патроне. Сама ваша идея создать оружие, которое будет сочетать в себе достоинства винтовки и полноразмерного автоматического пистолета... пожалуй, я бы до такого не додумался. Если испытания пройдут успешно, это назовут конструкцией Горчакова-Судаева!

Оружейник выглядел дерганым и непривычно-суетливым, будто по пути в Елизаветино опрокинул десяток кружек кофе... а то и чего покрепче. И это настолько не вязалось с его обычным поведением, что мне стало даже забавно наблюдать, как он скачет вокруг, продолжая рассказывать о своем новом детище.

– Пусть будет просто «автоматическая винтовка Судаева», – махнул я рукой. – В конце концов, моей заслуги здесь почти никакой. Да и не настолько уж я честолюбив, чтобы...

– Думаете, в вашу честь назовут улицу или целую площадь? – сердито буркнул Судаев.

Что-то его явно задело. Вряд ли отказ разделить с ним

лавры будущей славы – скорее уж само отношение, которое наверняка показалось оружейнику чересчур легкомысленным.

– Не вижу никаких причин переименовывать в мою честь ни улицу, ни проспект, ни уж тем более площадь. – Я улыбнулся и пожал плечами. – У них у всех уже есть вполне подходящие названия, и менять их не следует.

– А если речь пойдет об улицах в городах, которые пока еще принадлежат германскому рейху? – Судаев недобро усмехнулся. – Не сейчас, конечно же. После войны.

– Которую еще предстоит выиграть, ваше благородие.

Странно, но разговоры о непреходящей грядущей победе – как и тогда, с Шестопаловым – не вызывали у меня ничего, кроме раздражения. Судаев прекрасно делал свою работу – пожалуй, лучше любого конструктора-оружейника во всей Империи. Вряд ли он побоялся бы доверить даже собственную жизнь автоматической винтовке с нашей фабрики, и все же для него война скорее была возможностью испытать в деле свои разработки. Судаев не отличался сентиментальностью... да и вообще эмоций в нем было примерно столько же, сколько в инструментах, наполнявших его обитель в городе.

А я еще не успел забыть имена парней и мужчин, не вернувшихся из Зеленой Рощи.

Тридцать два человека. Тридцать два конверта со свидетельствами о смерти, письмами и документами на компенса-

цию. И все до единого я вручил лично. Женам, сестрам, матерям и отцам – седым старикам с лицами, будто высеченным из камня: почти три четверти погибших были потомственными вояками. Разумеется, они знали, на что идут, – как знали и их семьи. Меня благодарили без слез на глазах, иногда даже называли чуть ли не спасителем... Но вряд ли хоть кто-то втайне не желал, чтобы я сам остался лежать на отмели вместо их сына или мужа.

– Думаете, императорская армия проиграет войну?

– Нет. Более того – я не допускаю даже мысли о подобном. – Я спокойно выдержал суровый взгляд Судаева. – Но не стоит делить шкуру медведя до того, как он испустит дух. Сейчас солдаты его величества сражаются с сильнейшей армией Европы.

– Значит, им нужно оружие, и чем раньше – тем лучше. – Судаев чуть ли не силой отобрал у меня винтовку. – Я хочу, чтобы вы как можно скорее получили патент и отдали распоряжение приступить к работе.

– Можете считать, что распоряжение у вас уже имеется, – кивнул я. – А что касается патента – на заводе определенно есть те, в чьи прямые обязанности входит...

– Я не хочу к ним обращаться. – Судаев швырнул сверток с винтовкой куда-то на заднее сиденье. – Слишком долго!

– Немногим дольше, чем тратить время на дорогу сюда – да еще и в такой час... – медленно проговорил я и, прищурившись, уточнил: – Вы ведь явились ко мне не поэтому?

Верно, Алексей Иванович?

– Да, ваше сиятельство. – Судаев потупился и зачем-то убрал руки в карманы. – Есть... и другая причина.

– И какая же? – Я отступил на шаг и нахмурился. – Если уж вы появились здесь в такую рань – хотя бы потрудитесь...

– Я не доверяю своему окружению! – прошипел Судаев и, оглядевшись по сторонам, продолжил: – Вы не хуже меня знаете, что сейчас происходит в стране. Не хотелось бы, чтобы чертежи или, не дай Бог, образцы попали не в те руки.

– Что ж... Могу понять. – Я на мгновение задумался. – Не могу гарантировать, что работа нашей службы безопасности полностью лишена изъянов. И все же это весьма серьезное обвинение... Вы подозреваете кого-то конкретно, Алексей Иванович?

– Если я начну рассказывать о своих подозрениях – вам придется уволить сотни две человек, – мрачно ухмыльнулся Судаев. – И самое отвратительное, что без некоторых из них я не могу обходиться и дня. Что бы там ни говорили, над вашим оружием работает целая группа талантливых конструкторов и станочников. Одному человеку такое попросту не под силу.

– Догадываюсь, – вздохнул я. – Но тогда – что вы предлагаете?

– Принять меры. Хотя бы усилить охрану... и наладить учет. Признаться, я сам порой не слишком аккуратен и не всегда могу вспомнить, что еще лежит в каком-нибудь ящи-

ке – а что уже давно разобрано на запчасти. И все-таки мне кажется, – Судаев виновато втянул голову в плечи, – что несколько образцов... пропали.

Так себе новости. Не то чтобы я готов был незамедлительно разделить подозрительность оружейника – он явно волновался сверх меры и, похоже, чуть ли не готовился устроить на заводе самую настоящую охоту на ведьм. И все же.

– Я не оставлю подобное без внимания... разумеется. – Я сложил руки на груди. – И все же напоминаю, что следить за своими образцами и за группой разработчиков – в первую очередь ваша собственная задача, Алексей Иванович.

– Я знаю, – огрызнулся Судаев. – Делаю все, что от меня зависит. И, как видите, даже немного больше... Эту винтовку я собирал лично, один.

– И замечательно. – Я склонил голову. – Тогда завтра я непременно велю Настасье Архиповне заняться патентом. Ей мы оба можем доверять, как самим себе.

– Почему только завтра?!

– Алексей Иванович, пожалейте несчастную девушку, – усмехнулся я. – Сегодня у Настасьи Архиповны выходной... И у меня, вообще-то, тоже.

Глава 3

– Выглядишь... просто сногшибательно.

Я не соврал: Настасье всегда было не занимать эффективности, но сегодня она буквально превзошла сама себя. Или я просто слишком привык видеть ее либо в строгом наряде, либо в рабочей робе.

Последние... Полтора месяца? Полгода? Я уже успел забыть. Похоже, что целую вечность мы с ней встречались или на заводах, или в начальственных кабинетах. На тоскливых, зачастую бесполезных и немислимо затянутых встречах, куда она непременно надевала деловые костюмы. Как правило – даже с брюками. И теперь я в очередной раз убедился – правильно делала: вздумай она вырядиться так, как сейчас, все – от работяг до самых серьезных старичков-министров, за исключением разве что непробиваемо-железного Судаева, – едва ли смогли бы сосредоточиться на переговорах хоть на минуту.

Туфли на тонком каблуке, юбка – короткая, но в меру. Не знаю, помогала ли Настасье какая-нибудь столичная модистка, или она сама сумела подобрать идеальный баланс: ноги в светлых колготках (а может, и чулках) выглядели весьма... игриво – и все же без излишеств, без намека на вульгарность. Светлая блузка с коротким рукавом казалась почти деловой, однако не могла скрыть формы под ней. Наверняка была еще

и куртка – но ее из-за жары пришлось оставить в машине.

За прошедший с нашего знакомства год Настасья повзрослела, превратившись из крепостной девчонки с замашками сердитого подростка в женщину. Разумную, взрослую и невыносимо-серьезную – настолько, что я иногда даже скупал по той, что могла без разговоров засветить в лоб гаечным ключом даже сиятельному князю.

– Да ладно тебе, благородие. Как обычно я выгляжу.

Настасья смущенно поправила волосы – тоже преобразившиеся. Видимо, она чуть состригла кончики, а непослушную огненно-рыжую копну уложила в модные этим летом крупные локоны. Вряд ли сама – скорее специально ездила в город спозаранку, а потом вернулась обратно в Елизаветино.

И все это ради того, чтобы провести всего один день со мной.

– Нет, не как обычно. – Я поправил ворот рубашки. – Пустишь за руль?.. Впрочем, нет. Давай лучше ты.

Настасья водила уже давно, вот только при мне почему-то стеснялась. Хотя не удивлюсь, что и это у нее получалось неплохо – коли уж она сумела освоить полный школьный курс и уже поступила в Политех. На инженера-конструктора, разумеется. Я представления не имел, где бедняжка собиралась найти время ходить в классы, но не сомневался: найдет. Как говорил кто-то из великих – талантливый человек талантлив во всем.

Ворота перед нами раскрылись, и машина неторопливо

покатилась по дороге. Скрытый под капотом могучий четырехцилиндровый двигатель нетерпеливо порывкивал, будто подначивая придавить газ и поскорее вырваться с пылящего грунта в родную стихию – на шоссе со свежим асфальтом. Однако Настасья сразу дала мотору понять, кто здесь хозяин: ехала не спеша, пока не свернула за знак.

И только там обе они – и машина, и водительница – буквально преобразились. Двигатель грозно рыкнул, бросая стальное красное тело вперед, и мы помчались! Так быстро, будто и вовсе не касались колесами дороги, а на самом деле летели низко над землей. Может, этот автомобиль и недобирает звериной мощи (в сравнении с моим), зато подвеска работала безупречно, глотая любые неровности асфальта. Да и сама Настасья орудовала рычагом и педалями без единой ошибки: чуть закусил губу, нахмурилась – и переключала передачи так, что я не успевал даже почувствовать, как мотор на мгновение сбрасывает обороты.

Первые несколько километров я на всякий случай поглядывал и вперед, и в зеркала, но помощь Настасье явно не требовалась. Так что мне ничего не оставалось, кроме как развалиться на пассажирском сиденье, опустить стекло, подставить лицо теплему ветру и наконец расслабиться. Хотя бы постараться перестать думать и выбросить из головы документы, встречи, договоренности, планы...

Получалось так себе. И, похоже, не только у меня.

– Ты уже видел новый панцер Шестопалова? – поинтере-

совалась Настасья.

– Главным образом – на чертежах и фотографиях. – Я пожал плечами. – Но если хотя бы половина из того, что про него рассказывают, правда, то машина действительно интересная.

– Еще какая. – Настасья чуть добавила газу, обгоняя автобус. – Броня спереди в полтора раза толще, чем на первой модели. Другая подвеска, высота меньше на полметра, щиты закруглены...

– Пушка вместо пулемета, – напомнил я.

Шестопалов чуть ли не с самых первых дней буквально бредил идеей усилить вооружение боевой машины. Они с Судаевым даже выкупили несколько списанных полковых орудий, укоротили ствол и попытались втиснуть здоровенную замковую часть под броню. Насколько я помнил, получилось так себе – для экипажа и топливных баков стало катастрофически мало места. Дело явно шло к разработке пушки уменьшенного калибра специально под панцер.

Но – шло. Императорская армия уже выкупила всю первую партию машин, подписала договор на вторую и с явным интересом присматривалась к третьей. Впрочем, рассчитывать на чудо пока, увы, не приходилось.

– А вот мотор – барахло. – Настасья будто прочитала мои мысли. – Дымит, масло ведрами съедает... Еще и клинит. Три раза за месяц перебирали.

– Клинит – это плохо, – вздохнул я. – Мне-то другое рас-

сказывали.

– Но едет хорошо. Что есть – то есть. От первых моделей убегает, как американский «Мустанг» от трактора, – только солярку заливай. – Настасья улыбнулась и покачала головой. – Крутится, с места рвет, чуть ли не прыгает! Стену сломает, если надо... Одна беда – ненадежный пока очень. Надо доводить до ума.

– Надо. Только на это год уйдет. А их бы прямо сейчас в Варшаву, хотя бы штук сорок... – мечтательно проговорил я. – И хрен теперь поймешь, что делать. То ли вторую модель лепить, то ли эту в срочном порядке.

– Корпус у третьей лучше, и ходовая тоже. – Настасья на мгновение задумалась. – А другой двигатель и потом можно воткнуть. Все равно они у панцеров через месяц – под замену, если ездить.

– Точно! А еще можно бак переставить с... Так! – Я откинулся на спинку и рассмеялся. – Насть, ну что такое? Сама же вчера говорила – ни слова про работу! А теперь чего?

Вместо ответа Настасья нахмурилась – и вдруг вдавила тормоз с такой силой, что машина с диким визгом покрышек заметалась по дороге. Ремень безопасности впился в плечо, и я от неожиданности едва не влетел лицом в торпеду. Первой мыслью было вцепиться в руль и вывернуть хоть куда-нибудь; впрочем, Настасья неплохо справилась и без меня. Она делала что-то немыслимо-странное – но явно делала это сознательно.

Машина еще несколько раз вильнула по асфальту, съехала на обочину и там остановилась, подняв в воздух целое облако пыли. И пока я пытался сообразить, что вообще происходит, Настасья уже отстегнула ремень и развернулась ко мне. Вид у нее при этом был такой, будто я то ли сказал, то ли сделал что-то... явно не то. Зеленые глазищи метали молнии, щеки покраснелись, а ноздри раздувались так, что веснушки заплясали даже на скулах.

– Правильно, благородие! Ну ее, эту работу! – выдохнула Настасья.

И вдруг обхватила мою голову руками, притянула к себе и поцеловала. Неловко, едва не укусив за губу, – но с такой страстью, что не ответил бы на такую ласку, пожалуй, лишь покойник. Не знаю, сколько это продолжалось, – дорожная пыль вокруг успела улечься, а в машине стало даже жарче, чем было раньше.

– Уф-ф-ф, – выдохнул я, чуть отстраняясь. – Вот это выходной... Что такое на тебя нашло, Насть?

– Да ничего, благородие! Надоело уже просто. У тебя целый год – то народники, то панцеры, то крейсер, то Зеленая Роща, то еще чего... А теперь вот – война. – Настасья сердито фыркнула. – Я даже не знаю, куда ты уедешь дальше. Может, вообще на фронт, к Варшаве. Не знаю, вернешься ли... вообще ничего не знаю!

– Ну... если тебе станет легче – я тоже не...

– И ты не знаешь! – Настасья схватила меня за рубашку

на груди. – Никто не знает. Поэтому я и решила: лучше уж... вот это – чем вообще никак. Понимаешь?

Целый год мы старательно изображали деловых партнеров, работали бок о бок, решали немыслимо сложные вопросы, продавливали вплоть до министерства все, что можно было продавить, вдыхали жизнь в рабочие союзы, грызлись с собственными поверенными за чужие пенсии. Настасья поднялась от простой крестьянской девчонки до первого человека на всех фабриках, принадлежавших фамилии Горчаковых. Я из бестолкового недоросля-лицеиста стал наследником рода и камер-юнкером, доверенным лицом самого императора.

Но вместе с нами росла и стена, разделявшая нас. Тонкая, почти прозрачная – но оттого не менее прочная. Мы сами возводили ее, в четыре руки укладывая ледяные кирпичики один за другим... ровно год, чуть ли не день в день. Жили каждый своей жизнью, стали чужими, не задавали лишних вопросов. Наверное, так было удобнее – мне-то уж точно.

И вдруг эта самая стена исчезла. Не осела, растаяв в пламени Настасьиных поцелуев, а с тихим звоном пошла трещинами и осыпалась, будто ее и не было вовсе. Остались только мы вдвоем – и день, который еще не закончился. Может, всего один – зато наш, целиком и полностью.

– Не знаю, как ты – а я больше ждать не собираюсь, благородие, – всхлипнула Настасья, забираясь лицом куда-то мне под мышку. – Иначе точно не дождусь.

Я промолчал, просто не нашел нужных слов, и несколько минут мы просто сидели, обнявшись. Мимо проносились машины, неторопливо пылили грузовики... один водитель даже собрался было остановиться узнать, в чем дело, – но, видимо, сообразил, что мы прекрасно обойдемся и без него. Я бы, пожалуй, провел так хоть целый день, однако Настасья зашевелилась под боком, неуклюже ткнулась губами мне куда-то между шеей и ключицей и снова устроилась в кресле.

– Ладно, благородие, – вздохнула она. – Поехали.

– Куда?

– В город... ко мне. Только давай ты за рулем, ладно? – Настасья вдруг отвела глаза и густо покраснела. – У меня руки дрожат.

Глава 4

На кухню я выходил на цыпочках – Настасья еще спала. Крепко, можно сказать, мертвым сном – как и положено спать человеку, у которого позади был нелегкий день... и нелегкая ночь. Конечно, часа через два с небольшим ее уже ждали на Путиловском, потом на совете инвесторов, потом у поверенного... но еще хоть немного отдыха она точно заслужила.

А уж позавтракать я смогу и сам – тем более что есть почему-то до сих пор не хотелось.

Так что я вскипятил чай – прямо в кружке, магией, чтобы не шуметь плитой и чайником, – и уселся за стол у окна. Солнце уже поднялось над крышами. Ржавыми, угловатыми и абсолютно одинаковыми. Они нестройными рядами выстраивались до самой зелени вдалеке. Ничего примечательного я так и не разглядел – да и вряд ли стоило ожидать каких-то особенных видов с кухни маленькой квартирке на рабочей окраине.

Настасья могла бы позволить себе жилье куда солиднее, но то ли сэкономила, то ли стеснялась – а скорее просто не желала тратить даже лишней минуты на дорогу из Елизаветина или откуда-нибудь из центра города. По сравнению с коммуналками на нижних этажах, в которых ютились по несколько семей, однокомнатная квартира под крышей считалась чуть

ли не императорскими покоями, но (на мой вкус, конечно же) выглядела скромнее некуда. И все же мне тут нравилось. За несколько месяцев стены будто успели запомнить Настасью, перенять ее привычки и буквально стать родными. Все лежало на своих местах. Чисто, аккуратно, прибрано – хозяйка явно не позволяла себе разводить пыль по углам, хотя наверняка появлялась дома только к ночи.

Рабочие дворы за окном еще даже не начали просыпаться – кругом было настолько тихо, что я через открытую форточку даже смог услышать бормотание радио у кого-то из соседей. Не очень отчетливо, конечно: немного мешал легкий ветерок над крышами, да и сам простенький аппарат иногда сбивался, будто заикаясь, и щедро насыпал помех. И все же большую часть слов мне удалось разобрать.

Похоже, какой-то очередной новостной выпуск – в последнее время они переполнили все радиостанции, включая музыкальные. Даже беззаботную молодежь теперь куда больше волновали новости: политика, реформы Государственного совета, армия, экономика. Но в первую очередь, разумеется, война. И именно о ней сейчас и говорил диктор. До нас с дедом слухи с фронта доходили обычно на день-два быстрее, чем по официальным каналам, да и основания... скажем так, доверять источникам, были куда солиднее. Так что ничего неожиданного я не услышал.

Армия рейха продвинулась еще дальше на восток и заняла практически весь левый берег Вислы. Пока держалась толь-

ко Варшава – слишком уж хорошо местные вояки укрепили город. И слишком много в столице Царства Польского было Одаренных. Тем не менее даже им сейчас приходилось несладко: германские генералы не только согнали туда чуть ли не пару сотен танков, но и активно использовали авиацию. Не привычные могучие дирижабли, которые без особого труда могли сбить опытные боевые маги, а самолеты. Крохотные юркие машины, одинаково хорошо годившиеся и для разведки, и для расстрела пехоты на марше, и даже для забрасывания бомбами окопов и укреплений.

Конечно, и у рейха счет потерь шел на десятки единиц и воздушной, и наземной техники, однако дед рассказывал, что часть самолетов оказалась таинственным образом практически неуязвима к магии. Как именно – догадаться несложно.

Впрочем, по радио об этом почему-то предпочитали умалчивать. Вряд ли не знали – скорее получили строгое указание сверху не разводить панику. Так или иначе расклад сил пока выглядел не то чтобы удручающе, но уж точно не радостно: рейх каким-то образом смог подготовиться к войне, наклепав целую тучу современной смертоносной техники, включая гигантов вроде того же «Бисмарк», а штаб императорской армии либо знал обо всем этом слишком мало, либо не знал вообще.

Кто-то в военной разведке обделался по полной. Впрочем, я скорее поставил бы на то, что и тут поработали Орловские

прихвостни. Среди названных Куракиным предателей было немало армейских чинов, и теперь Багратион...

– О чем задумался?

От неожиданности я едва не подпрыгнул. Видимо, радиола где-то за окном заглушила шаги, и Настасья прокралась на кухню незаметно. Оборачиваясь, я ожидал увидеть ее в простыне (а может, и вообще в чем мать родила), да только она уже успела спрятать всю красоту под халат. Не самый длинный, но скорее не соблазнительный, а забавный: из недорогой ткани, ярко-красный, с какими-то китайскими мотивами. Бамбук, панды в соломенных шляпах и бессовестно-толстые человекоподобные тигры в свободных шароварах.

Впрочем, даже такое Настасью ничуть не портило – наоборот, добавляло какой-то уютной притягательности. На мгновение мне даже захотелось вышвырнуть из головы новости из-под Варшавы и всякие мысли о войне, а заодно и плюнуть на работу и совещания, оставить на подоконнике кружку с чаем, подняться и...

Вот только выражение лица Настасьи ни к чему подобному, увы, не располагало. Она нахмурилась, подперла плечом дверной проем и смотрела так, будто застучала меня за чем-то предосудительным.

– Новости слушаешь, да?

– Да так... Чай пью. – Я неопределенно пожал плечами. – Сижу. Не хотел тебя будить.

– Я тоже все время слушаю, благородие. Иногда даже но-

чью просыпаюсь. – Настасья поджала губы и шумно выдохнула через нос. – Если бы не работа – наверное, вообще бы уже умом тронулась... Страшно!

– Сейчас всем страшно, Настюш. – Я поднялся со стула. – Все будет хорошо. Может, не сразу – но точно будет.

– А ты? Уедешь в Варшаву? – Настасья шагнула навстречу и ткнулась мне в грудь рыжей макушкой. – Тебя ведь могут затребовать в армию... Ты очень сильный, я знаю, поэтому могут!

– Ну... пока не затребовали, – усмехнулся я. – Правда, в моем случае спокойная жизнь не светит даже в столице.

– Вот этого я и боюсь. Ты у меня такой, благородие: вечно куда-то да влезешь. А мне только сидеть да ждать. – Настасья задрала голову и посмотрела мне в глаза. – Ты хоть немного представляешь – что дальше?

– Дальше?..

Я чуть отстранился и прислушался. Ничего не изменилось – все так же молчали ржавые крыши за окном и все так же бормотало соседское радио. Возникшее странное чувство относилось вовсе не к шуму – да и шума на самом деле никакого и было. Просто за мной приехали.

Или?..

Нет. Все-таки приехали.

– А дальше, Настюш, мне придется тебя покинуть. – Я осторожно пригладил непослушную рыжую шевелюру. – Потому что где-то через пять минут около твоего дома остано-

вится машина, в которой сидит мой дед. И он будет очень недоволен, если меня придется ждать. Я из вредности поворочу, но потом сдамся и поеду с ним... неважно, куда. По делам.

На мгновение показалось, что Настасья сейчас обидится. Но мои слова, похоже, вызвали у нее больше любопытства, чем справедливого возмущения.

– Как это так, благородие? – недоверчиво спросила она. – Все расписал, раз и два. Ты что, еще и будущее видеть научился?

– Нет. – Я заставил себя выпустить Настасью из объятий и поплелся в прихожую – надевать ботинки. – Деда почувствовал Даром. А про остальное – догадался. Старик просто так не приедет.

– Ясно.

В голосе Настасьи все-таки прорезалось недовольство – которое она, впрочем, оставила при себе. Неловко поцеловала на прощание и даже попыталась улыбнуться, закрывая за мной дверь. Шагая по лестнице, я пару раз на полном серьезе думал плюнуть на все и вернуться хотя бы еще ненадолго, но с деда стало бы вытащить меня из квартиры силком.

Он сидел в машине один, на месте пассажира. Скорее всего, уже отпустил шофера: я ни разу не видел, чтобы дед водил сам. Может, вообще не умел – но спрашивать я, понятное дело, не собирался. Так или иначе, он дожидался меня в одиночестве, а это означало, что поехать мы можем только

в одно место.

– Мог бы и побыстрее, – беззлобно проворчал дед.

– Ну... Имею же я право на личную жизнь, в конце концов.

– Нет. Не имеешь. Как наследник рода Горчаковых и человек, который сейчас обладает бóльшим влиянием, чем любой министр, – не имеешь. – Дед откинулся на спинку сиденья. – Впрочем, если уж на то пошло, я бы не отказался от здоровых рыжеволосых бастардов.

– Дед!

– Вот именно, что дед. А пора бы уже стать и прадедом – а у тебя на женитьбу нет ни времени, ни, похоже, желания. Страна вступила в войну, и одному Богу известно, чем это все закончится. – Дед протяжно вздохнул. – Случись что – незаконнорожденный наследник все-таки лучше, чем вообще никакого.

– Ты хоть представляешь, насколько это отвратительно звучит? – усмехнулся я, заводя мотор. – Мы едем в...

– Да. Именно туда, – кивнул дед.

О конечной точке он не любил говорить – даже наедине. То ли считал, что нам уже пора бы учиться общаться исключительно ментально, то ли настолько опасался слезки или чего-то в этом роде.

Впрочем, как раз тут я его стремление к секретности полностью разделял.

– Может, и отвратительно, – продолжил дед. – Но сейчас

любой сильный Одаренный моложе моего возраста рискует загреметь на фронт. Со всеми вытекающими.

– Думаю, Павлу я пока еще нужнее здесь. – Я вывернул руль, выезжая из двора на дорогу. – Хотя некоторые наследники родов сейчас рвутся за Вислу добровольцами.

– Надеюсь, ты не собираешься последовать их примеру? – фыркнул дед.

Я уже задавал себе этот вопрос – не раз и не два. И не то чтобы ответ мне нравился, однако другого не было – да, пожалуй, и быть не могло.

– Нет. Не собираюсь. – Я крутанул ручку, чуть опуская стекло. – Хоть пылкие барышни в кулуарах теперь легко бросаются словами вроде «трус» или «предатель».

– К черту пылких барышень. – Дед сердито засопел. – Ты полководец, а не солдат – нравится тебе это или нет. И принесешь в тысячу раз больше пользы, оставаясь в столице. Я уже не говорю, что сейчас даже Одаренный первого класса может поймать пулю и совершенно идиотским образом скончаться, попав под «глушилку»... В общем, мне приятно слышать, что пример покойного графа Орлова тебя хоть чему-то научил.

– Именно так. Хотя отбиваться от болтунов с каждым днем все сложнее. Можно сказать, война сейчас становится модной, – поморщился я. – Даже его величество на приемах щеголяет в мундире гвардейского егерского полка.

– Вот как? А что ты сам обо всем этом думаешь? – Дед

прищурился, глядя на меня – и вдруг махнул рукой. – Впрочем, ладно... Ты ведь понимаешь, ради чего я оторвал тебя от столь приятных дел?

– Нет, – пожал я плечами. – Но вариантов немного.

– Как обычно. Только на этот раз все куда серьезнее. – Дед пригнулся ко мне и чуть понизил голос, точно нас могли подслушать: – Кажется, я теперь знаю, как делают штуковины, которые могут превратить меня в бездарную столетнюю развалину!

Глава 5

Бывшая фабрика Штерна изменилась не так уж сильно. Исчезла родовая эмблема на воротах, разбежались немцы из высшего руководства... и, пожалуй, все. Те же самые здания из темного кирпича, впитавшие сажу из труб. Те же рабочие в робах, тележки, какие-то ящики... Даже заказы и продукция – те же. Оружие для императорской армии и кое-какая мелочевка.

Мы с дедом выкупили разорившееся предприятие еще зимой. Старший из Штернов, разумеется, не удосужился приехать из Мюнхена лично – прислал документы через поверенных. Не торговался, сбросив семейное достояние буквально за бесценок... но замести следы все-таки успел. Андрей Георгиевич со всей службой безопасности так и не смог ничего отыскать: то ли вывезли сами немцы, то ли утащил в застенки Третьего отделения Багратион, когда расследовал загадочные обстоятельства гибели прошлого владельца.

Впрочем, сегодня нас интересовали вовсе не события чуть ли не годичной давности. Дед неторопливо шагал к зданию в самом дальнем конце фабричной территории. Раньше там располагался не то склад, не то вообще чуть ли не свалка. Поэтому и выглядела двухэтажная постройка совсем задрипанной и жалкой – даже по сравнению со своими не самыми приглядными соседками.

Толковый хозяйственник подобного бы точно не потерял. Непременно приказал бы навести порядок, отремонтировать покосившиеся двери, вставить стекла, прибраться, подкрасить, что следует, – а потом использовать полезные квадратные метры для дела. Местный директор, разумеется, был толковым хозяйственником – других мы с дедом не держали.

Но любой, кто приближался к двери развалюхи более чем на пятнадцать шагов, всякий раз вспоминал о каком-нибудь деле. Не просто важном, а к тому же еще и требующим незамедлительного завершения. Маляры убегали замазывать надписи на заборе, плотники уносили инструменты в цех по соседству, а сам директор, наверное, мчался проверить, не забыл ли закрыть сейф с документами на второй ключ.

Дедово плетение не давало сбоев – и он наверняка подстраховался и вторым, и третьим, и даже четвертым контуром. Кое-какие не получалось даже нащупать, хоть магия пятого класса в последнее время давалась мне почти без труда, и я уже понемногу присматривался к четвертому. Почти безупречная маскировка... от всех. Простые смертные обходили здание стороной, а сильным Одаренным в такой дыре делать было нечего.

– Может, все-таки расскажешь, что за озарение с тобой приключилось? – поинтересовался я, догоняя деда.

Тот будто сбросил полвека разом – шагал так бодро, что

то и дело забывал опереться на любимую трость. Давненько я уже не видел деда таким суетливым, встревоженным – но одновременно и довольным. Его лицо буквально сияло. Одному Богу известно, сколько старик просидел в развалюхе на задворках фабрики, пытаясь разобраться с загадкой покойного графа Орлова.

И, похоже, все-таки разобрался.

– Имей терпение. – Дед открыл дверь и отошел в сторону, пропуская меня вперед. – О таких вещах не стоит говорить на улице.

Да, внутри определенно было безопаснее – я почти физически ощущал, как плетения запредельной мощи буквально отрезали нас от всего внешнего мира. Усилиями деда древнее полуразвалившееся здание стало почти таким же схронном, как подземелья Зимнего или Петропавловской крепости. Мы могли бы устроить тут что угодно... **ВООБЩЕ** что угодно – а люди снаружи не слышали бы даже звука. И даже мышь не смогла бы пробраться в...

– Тихо! – Дед резко остановился на месте и поднял руку. – Не двигайся... И готовь Щит.

Сам он от подобного, впрочем, воздержался. Я ощутил расходящуюся во все стороны мерную пульсацию Дара, но на защитные плетения или боевую магию это походило мало. Дед то ли не чувствовал реальной опасности... то ли заметил то, что попадало скорее в другую категорию проблем.

– Эх-х-х, – протяжно вздохнул он, с негромким стуком

опуская кончик трости на пол. – Хватит тебе уже прятаться. Выходи давай, Петр Александрович... Ну правда, чего ты? Как маленький, ей-богу.

Несколько мгновений я тупо пялился в темноту перед нами, а потом темнота ожила. Зашевелилась, будто сползаясь из дальних углов, сплелась в клубок – и вытянулась в высокую фигуру в черном.

– Ну как так-то, Александр Константинович? У меня маскировка на уровне первого класса, а вы ее...

Вид у Багратиона (насколько я вообще мог разглядеть в полумраке) был не то чтобы удивленный или раздосадованный – скорее какой-то обиженный. Как у нашкодившего гимназиста, которого поймали с папиросой за углом и отодрали за уши. Бояться его светлости, конечно же, было нечего – хоть дед и застукал его, что называется, с поличным.

А вот гордость пострадала. И еще как.

– Пора бы уже запомнить, что деление на магические классы по сути своей весьма относительно. – Дед усмехнулся и поучительно погрозил Багратиону пальцем. – В отличие от опыта, которого у меня, кстати, ровно вдвое больше.

Его светлость не ответил – только молча склонил голову и насупился пуще прежнего. Наверняка за годы государевой службы в высших чинах он успел отвыкнуть от ощущения, когда тебя отчитывают, а ты при этом вынужден если не каяться, то хотя бы держать язык за зубами. Дед же, напротив, явно искренне наслаждался конфузом своего извечного про-

тивника, но настоящего напряжения между ними не было... как и вражды.

Равный разговаривал с равным. Багратион в свои сорок пять с хвостиком успел набрать побольше силы, чем дед, причем заметно побольше. А вот в умении пользоваться родовой магией пока еще уступал. Видимо, поэтому и не смог вскрыть дедову защиту и просто подждал нас, укрывшись маскировочным плетением. А теперь еще и попался.

– И что прикажешь с тобой делать? – Дед ловко перехватил трость и сложил руки на груди. – Ладно уж, пойдем. Покажу тебе свои... петербургские тайны.

Я едва не уронил челюсть на пол. А Багратион, похоже, удивился и того больше. Вряд ли он ожидал, что все получится так просто... и одновременно – так странно. Но мы не ослышались: дед действительно приглашал проследовать за собой нас обоих.

– Пойдем-пойдем, – повторил он. – А что еще делать? Не покажу – так ты мне потом внука поедом есть будешь.

Багратион снова отмолчался – но на его лице на мгновение мелькнуло недовольство, будто добиться цели столь неожиданным способом почему-то оказалось ниже светлейшего достоинства. Хотя возражать, разумеется, не стал – пошел за нами, спустился по лестнице в цоколь здания и терпеливо ждал, пока дед распустит очередные сторожевые плетения.

И только когда магия распалась, вокруг зажегся свет – са-

мый обычный электрический. Его хватило достать даже до самых темных и грязных углов помещения, заваленных каким-то железками – то ли останками древних станков, то ли просто неудачными заготовками. Но на них, понятное дело, не смотрел никто: и меня, и уж тем более Багратиона занимала огромная машина посередине.

Когда я был здесь в последний раз, она выглядела раза в полтора меньше, зато теперь оккупировала чуть ли не половину цоколя, возвышаясь до самого потолка. Толстенные провода в изрядном количестве еще оставались неподключенными и просто валялись по полу, но ббольшая часть уже заняла свое место, протянувшись к каким-то коробам с надписями. Кажется, в основном на английском, хотя и пару немецких слов я точно разглядел. Коробы крепились к здоровенной раме, а она в свою очередь удерживала механизмы и панели с кнопками. Однако самой важной деталью установки, конечно же, была похожая на телескоп штуковина, нацеленная узкой частью вниз, на что-то вроде круглого алюминиевого столика диаметром в метр. В темноте все это можно было бы принять за гигантский сверлильный станок или фрезу.

Но никакой фрезой здоровенная железяка из подвала усадьбы Зеленой Роши, ясное дело, не была.

Я мог только догадываться, кого привлекали к восстановлению поврежденной электрики и механизмов – и что случилось с работягами после этого. С деда вполне сталось бы

покопаться в чужих головах, чтобы убрать лишние воспоминания... если не похуже.

Чего уж там – я и сам вдруг засомневался, что был здесь четыре раза за все время, а не пять или шесть.

Багратион явно был впечатлен: перед тем, как заговорить, он несколько раз прошелся туда-сюда, разглядывая машину едва ли не со всех сторон. Не знаю, какие мысли успели прийти ему в голову и что его светлость при этом почувствовал, поскольку даже сейчас глава Третьего отделения собственной его величества канцелярии не изменил себе: никаких эмоций я не смог ни прочесть по лицу, ни даже почувствовать Даром.

– Непростая конструкция, – наконец проговорил Багратион. – Я не силен в технике, но, подозреваю, создание подобного потребовало немалых сил – и еще больших средств.

– Я не имею к этому никакого отношения. – Дед пожал плечами. – Эта машина – вернее, все, что от нее на тот момент оставалось, – боевой трофей моего внука. Наследие покойного графа Орлова, если хотите.

– Что-то такое я и предполагал, – кивнул Багратион. – Род Горчаковых вряд ли стал бы прятать в подвале... нечто обыденное. И уж тем более вы бы не стали уделять этому столько своего времени, Александр Константинович. Правда, я все еще могу лишь догадываться, для чего служит подобный механизм.

– Не сомневаюсь, что вы догадываетесь верно, Петр Алек-

сандрович, – хмуро отозвался дед. – Так или иначе – перед нами тот самый неуловимый противник, что угрожает самому существованию мира под властью Одаренных... Похоже, все это время мы не видели того, что буквально лежит на поверхности.

– Так, значит...

– Да, Петр Александрович. Именно так. Никакого сверхсильного мага, способного удерживать контур подобной сложности, не существует в природе. – Дед с размаху опустил ладонь на алюминиевый столик. – Плетения создает машина!

Глава 6

Я уже давно предполагал нечто подобное – пожалуй, с того самого дня, как Багратион рассказал о безупречной структуре плетения. Ровные линии, запредельная сложность, идеальный расчет – и идеально же исполнение, не подвластное человеку, будь он хоть трижды величайшим из великих магов.

Одаренный (а скорее даже несколько) могли служить источником энергии, но для создания контура непременно должен был использоваться... некий прибор. Концентратор и приспособление, способное выводить линии и соединять их в структуру. Этаким магический ткацкий станок, использующий вместо нитей потоки чистой родовой магии.

Однако последний вывод деда удивил даже меня. По всему выходило, что машина Орлова не только работала на электричестве (судя по толстым проводам и трансформаторам), но и могла обходиться и вовсе без мага-оператора.

Или все-таки нет?

– Да, что-то подобное я предполагал... к сожалению. – Багратион протяжно вздохнул. – И более того – в каком-то смысле даже ожидал. Едва ли кто-то из вас, судари, станет спорить, что магия Одаренных по сути своей представляет лишь одну из форм энергии... вроде того же электричества или тепла. И вопрос воплощения одного в другого лично для

меня, пожалуй, являлся лишь вопросом времени.

– Ваше утверждение о природе родового Дара по меньшей мере сомнительно, Петр Александрович, – все-таки не удержался от колкости дед. – Но с самим выводом я поспорить, увы, не могу. Мы с внуком потратили немало времени на разгадку этой тайны – и она до сих пор не открылась нам целиком. И все же уже сейчас можно сказать, что эта машина действительно способна формировать поток энергии, фактически соответствующий линиям магического плетения. Иными словами...

– Иными словами – мы с вами больше не являемся единоличными властителями того, что принято называть родовым Даром аристократов, – мрачно усмехнулся Багратион. – Того, что даже церковь уже давно признала благодатью и божьей милостью, которой Всевышний наделяет достойные фамилии.

– Именно так, – кивнул дед. – Сама по себе возможность подавить родовой Дар уже была опасна, но это... Можно сказать, привычному нам миру приходит конец.

– Привычному *вам* миру, Александр Константинович. – Багратион пожал плечами. – Лично я не придаю большого значения исключительности Одаренных родов, в отличие от...

– Не надо передергивать, – огрызнулся дед. – Только человек небольшого ума считает, что власть родов держится на одном лишь могуществе магии Источников. И даже соб-

ственного внука я вижу исключительным вовсе не из-за того, что он способен разрезать надвое германский панцер одной лишь силой воли. Дар когда-то стал основой современной аристократии – но сейчас он стоит немногим больше титула, который можно купить за деньги.

– Как вам будет угодно. – Багратион, похоже, не имел ровным счетом никакого желания в тысячный раз возобновлять старый спор. – Впрочем, вряд ли вы, судари, не согласитесь, что древние рода могут потерять куда больше, чем кто-либо еще.

– Отнюдь, Петр Александрович, – хищно ухмыльнулся дед. – Подобное в конечном итоге может стоять вообще всего... и всем. Надеюсь, мне не нужно объяснять, почему я спрятал эту машину даже от вас? И почему нам сейчас нужно быть особенно благоразумными и держать язык за зубами даже тщательнее, чем раньше?

– Нет. Конечно же, не нужно, – вздохнул Багратион. – Но не ждите, что я стану благодарить вас за оказанное доверие.

– Без этого вполне можно обойтись. – Я все-таки решил влезть в беседу старших, чтобы не чувствовать себя совсем уж истуканом. – В конце концов, мы всегда были на одной стороне, хоть порой и расходились во мнениях. И я прекрасно понимаю ваше стремление заполучить такую машину и изучить ее вдоль и поперек. Но поверьте, ваша светлость, сохранить все это в тайне сейчас куда важнее.

– И какой в этом смысл? – раздраженно поморщился Баг-

рацион. – Вести с фронта приходят каждый день, и, по-моему, уже ни для кого не секрет, что германский рейх использует подавители магии на аэропланах и панцерах. Я уже не говорю про апрель, когда Дар исчез чуть ли не во всей столице. Не кажется ли вам, судари, что скрывать подобное уже несколько... как бы сказать... несвоевременно?

– Напротив, ваша светлость, – покачал я головой. – Как раз сейчас – самое время. Одно дело – слухи о панцерах, неуязвимых к магии Одаренных, или даже странные события в целом городе. И совсем другое – признать, что плетения может создавать не живой человек, а машина. Которая не устает, не ошибается и способна задавать структуру в десятки раз сложнее привычных... Начнется паника – такая, по сравнению с которой даже апрель покажется легкой суетой.

– И что вы предлагаете? – буркнул Багратион.

– В любом случае продолжать работу – здесь. Мы оформим пропуск вам и, возможно, несколькими вашими людьми. Тем, кому вы можете довериться полностью.

Я на всякий случай скосился на деда, но тот молчал. То ли пока не имел особых возражений, то ли решил накопить их сразу побольше, чтобы размазать нас с Багратионом. А может, просто хотел понаблюдать за ходом моих мыслей – и уж в этом удовольствии я ему отказывать не собирался.

– Наверняка у Третьего отделения найдутся те, кто одинаково хорошо соображает и в природе магии, и в механизмах. Потому как нам троим, очевидно, попросту не хватит зна-

ний, – продолжил я. – И все же эту машину следует держать в секрете от всех – столько, сколько мы сможем. Во всяком случае, пока сами не сможем воспроизводить «глушилки». Пусть это позволит выиграть совсем немного времени – это все же куда лучше, чем ничего. Сейчас дорогá каждая неделя, буквально каждый день.

– Ну, может, не до такой степени... – проскрипел дед.

– Подозреваю, именно до такой. И каждый отведенный нам час следует потратить с умом. Если раньше реформы можно было растягивать хоть на годы, то сейчас придется инициировать их немедленно. Отмена крепостного права, пенсии, контроль за всеми судебными инстанциями... возможно, что-то еще. – Я на мгновение задумался. – Орлов и его шайка, похоже, сами не до конца понимали, какого джина выпустили из бутылки. Всем нам прекрасно известно, что армия Рейха на данный момент самая многочисленная и технически оснащенная во всей Европе. В то время как Россия столетиями больше полагалась на мощь древних родов. Две державы уже вступили в войну, и этого мы изменить не в силах. Но от нас еще зависит, станет ли все это новым противостоянием Одаренных и простых смертных. А именно так это могут преподнести – рано или поздно. – Я сложил руки на груди. – Особенно если на стороне рейха вдруг пожелают выступить державы, в которых уже давно не осталось сильных и влиятельных фамилий. А таких, уверен, найдется не так уж мало.

Дед слушал молча: даже не изменился в лице – только навалился на трость, будто немного устал стоять. А вот Багратиона моя речь, похоже, проняла сильнее. Его светлость поджал губы, чуть втянул голову в плечи и как-то странно нахохлился, вдруг став похожим на большую, могучую и хищную, но чем-то испуганную птицу.

– Думаю, что вы правы, князь, – тихо проговорил он. – У меня тоже есть опасения, что война России и германского рейха – событие такого масштаба, что и соседние державы попросту не смогут остаться в стороне. Мне уже известно, что Османская империя стягивает войска к северу от Стамбула... и не только они. Разумеется, европейские монархи пока молчат и уж тем более воздерживаются от каких-либо активных действий, но...

– ...с удовольствием сожрут того, кому на фронте повезет меньше, – закончил вместо Багратиона дед. – Впрочем, как и всегда. Что бы ни говорили восторженные юноши и барышни в светских салонах, нас ждет долгое противостояние. Армию и генералов боготворят, лишь пока они побеждают и идут вперед. Если войска его величества сдадут Варшаву, нас примутся давить со всех сторон. Могут снова начаться народные волнения. А это, в свою очередь, может привести к тому, о чем говорил Александр.

– Новая охота на ведьм и истребление Одаренных. – Я покачал головой. – Во всем мире. Не знаю, кто проиграет в этой войне, но победителей в ней не будет.

– Что ж... В таком случае, нам тем более стоит поскорее разобраться со всем этим. – Багратион кивнул в сторону Орловской машины. – Что вам, собственно, известно на настоящий момент, судари?

Эту часть я бы послушал и сам: в последнее время дел навалилось столько, что я не появлялся на фабрике Штерна чуть ли не полмесяца. А дед не из тех, кто стал бы докладывать о незначительных успехах или неудачах... тем более мне.

– К сожалению, не так много, как хотелось бы, – со вздохом отозвался дед. – И все же я смог запустить ее. Поток нестабильный – видимо, сбились какие-то настройки. Но если управлять механизмами напрямую, можно наблюдать линию контура. Конечно, далекую от того, что мы с вами видели на подавителях магии – но все-таки это уже плетение.

– Управлять напрямую... – Багратион подошел поближе и коснулся похожего на фрезу агрегата. – Однако в таком случае контур будет скорее определяться работой рук оператора. И точность плетения будет куда меньше даже той, что вы или я сможем получить и без всякой машины.

– Именно так, Петр Александрович. Можете не обращать внимания на эти маховики и рукоятки. Настоящая голова у этой железной змеи – здесь. – Дед вытянул руку и легонько стукнул набалдашником трости по металлическому коробу чуть справа под круглым «столиком». – Процессом управляет вычислительная машина. Именно она определяет после-

довательность работы механизмов и электрического концентратора. А сама последовательность, судя по всему, записывается на...

– Перфокарте? – Багратиону явно не терпелось поскорее докопаться до истины. – Я так и знал! Для такого плетения нужна целая программа, которая...

– На магнитной ленте. Я не так уж силен в технике, но мне говорили, что это самая современная разработка, можно сказать, передовая. И – предупреждая ваш вопрос, Петр Александрович. – Дед погрозил Багратиону тростью, не давая вставить и слова. – Нет, самой магнитной ленты у меня, к сожалению, нет. Она то ли сгорела при пожаре, то ли была вывезена Орловым раньше... Или ее вообще еще не успели ввезти.

– Откуда? – поинтересовался Багратион.

– Понятия не имею, – развел руками дед. – Подозреваю, оттуда же, откуда его сиятельство получал самозарядные винтовки, патроны, детали для панцеров, чертежи и все остальное: из Антверпена.

Камушек – точнее, даже изрядный булыжник – явно был в огород Багратиона. Его светлость снова насупился, но от замечаний, понятное дело, воздержался. Даже если Павел и простил бессменному шефу Третьего отделения столь солидный промах, немало нашлось и тех, кто помнил... и будет помнить еще долго.

– Бельгия. Крохотная страна, которая фактически еще и

находится под протекторатом Франции. – Багратион то ли не заметил дедов выпад, то ли старательно делал вид. – Признаться, я скорее ожидал бы подобных посылок...

– Прямо из портов, принадлежащих германскому рейху? – усмехнулся дед. – Вы ведь понимаете, что это почти ничего не значит? Груз мог идти транзитом откуда угодно. От османов или британцев, из ваших любимых Соединенных Штатов или хоть из Африки. В документах покойного Орлова нашлось немало интересного, но штуковины вроде этой, – дед в очередной раз похлопал ладонью по машине, – его сиятельство определенно получал только из одного места. Антверпен указан во всех судебных документах.

– Его величество мог бы отправить запрос лично бельгийскому монарху. – Багратион шагнул вперед. – Конечно, власти редко лезут в дела оружейных компаний или частных парокходств, но...

– Раздобыть хоть какую-то информацию об истинном происхождении грузов Орлова было бы не просто и раньше, – мотнул головой дед. – А теперь – почти невозможно. На то, чтобы разобраться в одних финансовых схемах, уйдут недели.

– И все же это предстоит сделать, – вздохнул Багратион. – Если, конечно, мы хотим заранее знать, откуда еще стоит ожидать удара. Сама по себе Бельгия едва ли представляет серьезную угрозу, но национальная оружейная фабрика Антверпена имеет плотные связи с Соединенными Штатами.

– А это уже ваша работа, Петр Александрович. – Дед чуть подался вперед, навалившись на трость. – Если мне не изменяет память, у Третьего отделения канцелярии его величества сейчас достаточно людей, и многие даже сидят без дела. А у нас с внуком довольно работы и без возни с иностранной почтой.

– Не сомневаюсь. Мне не пришло бы в голову даже просить вас о подобном. – Багратион чуть склонил голову. – Но что касается Александра... Боюсь, на него у императора есть свои планы.

– И какие же? – ехидно поинтересовался я. – И когда именно его величество собирался мне об этом сообщить?

– В самое ближайшее время, конечно же.

В голосе Багратиона прорезалось плохо скрываемое удовлетворение. Дед основательно уел его – и даже такая крохотная возможность отыграться наверняка показалась весьма привлекательной... Но все же не настолько, чтобы злорадоваться в открытую.

– Я догадываюсь, о чем хочет просить император. – Багратион прищурился и едва заметно улыбнулся. – Однако, думаю, будет куда корректнее, если вы с его величеством поговорите лично.

Глава 7

Приятно, когда хоть что-то не меняется. Особенно в те времена, когда сами основы государства и привычной жизни штормит и кидает по волнам, как щепку. В последнее время я ощущал себя в Зимнем почти как дома – да и бывал, пожалуй, немногим реже. И уже успел выучить наизусть каждую ступеньку, каждый поворот и все до единого коридоры, ведущие в императорские покои.

Теперь меня пропускали здесь без вопросов и без проверок... ну разве что убедившись, что я – это действительно я. Князь Горчаков, камер-юнкер его величества собственной персоной, пожаловавший к юному императору Павлу... нет, даже не на аудиенцию – так мои визиты не называли даже придворные чины. Я просто приходил, когда считал нужным.

Впрочем, сегодня-то мне как раз пришлось явиться по высочайшему повелению. Слова, сказанные Багратионом на фабрике Штерна, сложно было назвать официальным приглашением, и все же я решил не тянуть – и устроить Павлу сюрприз.

Хотя бы для того, чтобы сюрприз не устроили мне.

– Ну, здравствуй, княже! – Его величество кивнул, не отрывая взгляда от разложенных на столе бумаг. – Устраивайся... я сейчас, мигом.

Мигом, конечно же, не вышло: мне явно толсто намекнули на субординацию, которую следовало непременно соблюдать. Пусть я считался – да чего уж там, по сути, и был – чуть ли не вторым человеком в государстве, встречал меня все-таки первый. Его величество император всероссийский Павел Александрович из династии Романовых.

Так что я просто сидел напротив через стол, утопал в огромном кресле и ждал, от нечего делать разглядывая обстановку огромного кабинета. Мне не приходилось посещать покойную государыню с официальными визитами во дворце, но что-то подсказывало: она предпочитала работать в другом месте. Не таком суровом, просторном и помпезном. Наверняка Екатерина Александровна предпочитала что-то попроще. Поменьше, посветлее и поуютнее, без давящих темных стен, книжных шкафов под потолок и здоровенных латных доспехов по углам, с которыми Павел, конечно же, не позволял привычных вольностей – вроде тех, что проделывал с несчастным железным рыцарем в своей старой спальне. Местные стальные вояки выглядели начищенными, вальяжными и строгими – пожалуй, как и все здесь.

Кабинет – скорее всего принадлежавший скончавшемуся много лет назад императору Александру – буквально источал из каждого угла, из каждой щели мужественность. Угловатую, тяжеловесную и концентрированно-серьезную. Видимо, поэтому Павел и пожелал работать здесь – то ли чувствовал себя поувереннее в отцовском кресле, то ли компен-

сировал солидностью обстановки недостаток собственной.

И это, как ни крути, работало: тот, кто занимался интервьюером, определенно знал какой-то секрет. Кресло Павла за огромным столом из темного дерева стояло с моим на одном уровне, а сам император всероссийский заметно уступал мне и ростом, и шириной плеч, и все же с моего места казалось, будто я пожаловал в гости к человеку изрядной величины – и не только по чину. Павел непостижимым образом возвышался над всем сущим в кабинете, и кто угодно на моем месте чувствовал бы себя мелким и незначительным.

Не самое приятное ощущение – особенно когда его старательно и нарочито пытаются приправить томительным ожиданием. Павел прекрасно знал, что каждый день (включая весьма условные выходные) у меня расписан чуть ли не по минутам, но все равно продолжал старательно вглядываться в печатный листок.

Который ко всему прочему, похоже, еще и держал кверху ногами, перевернутым.

Такого я, конечно же, терпеть не собирался – поэтому и огрызался от всей души. В кабинете нас было только двое, так что можно было не стесняться: я развалился в кресле, закинул ногу на ногу, демонстративно зевнул и принялся глазеть по сторонам настолько бесцеремонно, что у висевшего на стене портрета Петра Великого, кажется, чуть покраснели щеки. И я, пожалуй, продолжал бы это бесконечно...

Но Павел не выдержал первым: неодобрительно кашля-

нул, отложил перевернутый листок и посмотрел на меня поверх очков: их его величество тоже носил для пущей солидности, как и мундир егерского полка с невесть откуда взявшимися орденами. На горничных, подавальщиц, солдат-караульных, придворных и, пожалуй, даже на некоторых министров молодецкий и суровый облик молодого императора наверняка действовал, как положено.

Но я почему-то вдруг почувствовал совершенно неуместное желание рассмеяться.

– Доброго дня, ваше величество... еще раз. – Я, не поднимаясь, изобразил легкий поклон. – Подозреваю, мне стоит извиниться, что я имел смелость пожаловать без подобающего приглашения, и все же...

– Да ладно тебе, княже, – отмахнулся Павел. – Приехал – значит, нужно.

Расслабленная поза, никаких свидетелей, печенье с чаем на краю стола, панибратское обращение и мой старый «титул» из училища. Его величество всем видом намекал, что беседа будет легкой, неформальной... но взгляд выдавал обратное. Пытливый, внимательный, будто бы спрашивающий: зачем же ты, Горчаков, пожаловал? На мгновение показалось, что меня буквально просвечивают насквозь.

Но только на мгновение.

– Угощайся, если есть желание. – Павел пододвинул блюдо с печеньем. – Твое любимое.

– Спасибо, государь, я ненадолго. И по делу.

– Ну, раз по делу – тогда рассказывай. Сам понимаю, время сейчас такое – самому некогда чаи гонять, – кивнул Павел. – С чем пожаловал?

– Это ты мне скажи. А то его светлость князь Багратион недавно обмолвился, что у императора, дескать, ко мне будет особое поручение. Он, получается, знает – а мне и не сказали пока. – Я чуть подался вперед, улыбаясь. – Непорядок.

Павел несколько мгновений молча буравил меня взглядом, будто соображая, с какой стороны подступиться, но потом тихо выдохнул и полез куда-то в ящик стола.

– Есть у меня к тебе поручение, княже. Такое особое, что мало точно не покажется. Но пока на́ вот, погляди, – сказал он, выкладывая передо мной небольшую пачку фотографий. – Узнаешь... изделие?

Изделие я узнавал. И еще как – хоть и не сразу. Угловатый корпус, затворная часть с курком, будто отпиленная от немецкого «маузера», длинный магазин перед скобой и деревянная ручка с выемками под пальцы спереди, чуть ли не на самом кончике ствола. Что-то похожее показывал мне Судаев в день нашего знакомства на фабрике. Автоматический пистолет, возможно, тот же самый...

Хотя скорее нет: если память меня не подводила, у того ствол был подлиннее, а этот словно откромсали лобзиком. Магазин вдвое короче, корявый предохранитель... игрушка на фотографии выглядела уродливым братцем той, что мне случилось подержать в своих руках. Я бы даже предположил,

что это всего лишь неаккуратная копия, если бы не эмблема оружейных мастерских Горчаковых – оттиск на вороненом металле.

– Знакомый вензель, – усмехнулся я. – И знакомое оружие – хоть я и представить не могу, кто притащил тебе эти снимки. Насколько я знаю, разработка пока еще не пошла в серию, и ее не должны были даже...

– Поверь, я бы на твоём месте не переживал за какие-то там утечки из сборочных цехов. Боюсь, все... намного хуже. – Павел сгреб фотографии ладонью и отодвинул в сторону. – Именно из этого оружия двадцать восьмого июля и застрелили германского кайзера Вильгельма.

Мда-а-а... Похоже, Судаев все-таки не ошибся. В его непосредственном окружении на заводе действительно нашелся ушлый конструктор, который не только втихаря стащил опытный образец и переправил его в Варшаву, но и вlepил на бок пистолета клеймо, которое в сложившейся ситуации выглядело в буквальном смысле автографом.

– Откуда?... – осторожно начал я.

– Из проверенного источника. – Павел поджал губы. – Там были еще фотографии, княже, и куда более... красочные. Но их я тебе показывать не буду, ладно?

– Избавь, да, – поморщился я. – Видимо, про подделку можно даже не спрашивать, да?

– Именно. – Павел протяжно вздохнул и подпер голову ладонью. – Снимки подлинные, а о подробностях убийства из-

вестно немного: зачарованные пули, стреляли практически в упор, один из гостей на приеме.

– Кто? – встрепенулся я. – Известно, кто?..

– Фамилия тебе ни о чем не скажет. Какой-то нетитулованный дворянин родом из Петербурга. – Павел мрачно усмехнулся. – И допросить его по вполне понятным причинам уже не получится.

– Свидетели? – Я откинулся на спинку кресла. – Там наверняка присутствовала вся варшавская знать, а не только немцы. Неужели нельзя было?..

– Можно. И даже к местным службам у меня нет никаких претензий, – отозвался Павел. – Меня больше удивляет другое: снимки всплыли уже куда позже. Только через пару недель после начала войны.

– Тогда я вообще ничего не понимаю. – У меня на мгновение возникло ощущение, что его величество зачем-то решил поиграть со мной в угадайку. – Если честно, я даже не понимаю, какого, простите, черта немецкий кайзер делал в Варшаве.

– У нас была запланирована встреча, – пожал плечами Павел. – Никто не называл это переговорами, конечно же, но мы собирались обсудить в том числе и сложности на границе с рейхом. Кайзер Вильгельм приехал на несколько дней раньше, остановился в гостях у губернатора... а дальше ты знаешь.

– Блеск, – буркнул я. – Просто замечательно.

Картина складывалась весьма занятная – а со стороны наверняка выглядела и того интереснее. Германский кайзер прибывает на встречу с императором. Но вместо хваленого русского гостеприимства его ждет... весьма жестокая и нелепая кончина. Невесть откуда взявшийся дворянин из Петербурга, которого наверняка даже не было в списке приглашенных, появляется на приеме, откидывает полу пиджака, достает оружие и проделывает в царственном теле Вильгельма Четвертого примерно десяток аккуратных отверстий.

Автоматическим пистолетом новой конструкции с клеймом фабрики Горчакова – ближайшего сподвижника и друга императора Павла. Убийца гибнет на месте, сраженный смертоносной магией, весь рейх скорбит и возмущен вероломством русских, а канцлеру Каприви приходится слышать глас народа – и отдать приказ к наступлению немецким войскам.

По странному стечению обстоятельств сосредоточенным у западных границ Царства Польского.

– Все это очень сильно похоже на спектакль, – вздохнул я. – Только не очень понятно – для кого именно.

– Ну... эти снимки видел не только я, – поморщился Павел и сердито ткнул в фотографии пальцем. – Судя по вестям из посольства, подобные письма также получили король бельгийский, император Франции, папа римский, губернатор...

– Можешь не продолжать.

Я с трудом подавил желание врезать кулаком по столу или запустить в стену чем-нибудь тяжелым. Наверное, что-то такое и должен чувствовать человек, внезапно осознавший, что все, чем он занимался последние полгода (если не больше), вдруг отправилось... нет, не то чтобы псу под хвост, но куда-то в том направлении.

Орлов унес с собой в могилу немало тайн. Видимо, в их числе и та, что касалась далеко идущих планов – теперь уже неизвестно чьих именно. Кто-то (и вряд ли это был покойный кайзер Вильгельм) долго и старательно расшатывал обстановку и в Петербурге, и, похоже, чуть ли не во всей Европе.

И в конечном итоге – расшатал.

– Кажется, понимаю, к чему ты клонишь, – невесело усмехнулся я. – Хочешь, чтобы я отправился в Варшаву расследовать убийство кайзера?

– Нет... Точнее, такие мысли у меня тоже были, – неопределенно шевельнул рукой Павел. – Но хватит уже тебе отбирать хлеб у Багратиона и его конторы.

– Тогда теряюсь в догадках, – отозвался я, – ваше величество.

– Есть у меня одна на уме одна авантюра, на которые ты так горазд, княже. – Павел откинулся на спинку кресла, чуть склонил голову набок и прищурился. – Но скажи... как у тебя с французским?

Глава 8

Вот так вопрос.

– Bien sûr je parle français... plus ou moins, – осторожно отозвался я. – Более-менее... Ваше величество.

– Тебе точно стоит немного попрактиковаться. – Павел явно посчитал мое произношение не безупречным. – Там, куда ты отправишься, русским владеют немногие.

– В Бельгию? – уточнил я. – Прямо в Антверпен, или...

– И снова не угадал. – Похоже, его величество испытывал некоторое удовольствие, удерживая меня в неизвестности. – Ты слишком ценная фигура, чтобы носиться по условно-нейтральному государству в поисках неизвестно чего.

Конечно, мне очень понравилось слово «ценная». А вот фигура... Не то чтобы я питал какие-то особенные иллюзии по поводу собственной значимости в масштабах войны двух крупнейших европейских держав, однако на определенное отношение со стороны однокашника – пусть даже бывшего – все-таки рассчитывал. Но, видимо, юный император уже достаточно прочно вжился в роль правителя державы и мыслил соответствующе.

Нравится мне это или нет.

– Я хочу, чтобы ты отправился во Францию. В Париж, ко двору императора Жозефа. В составе российской делегации, разумеется, – продолжил Павел. – И принял участие в тай-

ных переговоров.

Я ничего не ответил; впрочем, сам мой вид, похоже, был настолько красноречив, что его величество не смог сдержать улыбку – и тут же принялся поспешно объяснять:

– Знаю, это кажется странным, но подумай сам, княже. Война уже идет, и даже доказательство чьей-то чужой вины в убийстве кайзера вряд ли ее остановит. И любой, кто получил фотографии тайной почтой, в конечном итоге поверит не правде, а тому...

– Тому, что посчитает выгодным для собственной державы, – кивнул я. – Тут ты, без сомнения, прав. И император Жозеф уже наверняка решил, на чьей стороне выступит, если придется.

– Надеюсь, что нет. – Павел покачал головой. – Османы уже готовы наброситься на наши южные границы, хоть никто и не говорит о союзах с рейхом. Да и англичане вряд ли останутся в стороне.

– Пожалуй, – вздохнул я. – Британский монарх вряд ли пожелает пропустить такое... веселье. Наверняка он уже примеривается к колониям в Африке. А может, даже захочет под шумок оттяпать кусочек земли прямо в Европе.

– Верно. И именно поэтому нам сейчас нужны союзники. – Павел подался вперед и чуть склонил голову. – Я уже подписал указ о мобилизации. К осени в армии может быть уже миллион человек. Но даже если твои фабрики обеспечат их всех современным оружием и панцерами – мы все еще

слишком уязвимы с моря. В одиночку Россия...

– Да понимаю! – отмахнулся я. – Но почему Франция? Твоя династия всегда была дружна с родней покойного Вильгельма, а вот с Бонапартами... Старые счеты. Уверен, в Париже наверняка еще остались те, кто не забыл, что было полтора века назад, когда Наполеон уполз из-под Смоленска и едва не потерял всю свою империю.

– Ну... это было давно, – с сомнением протянул Павел. – Может, у Жозефа и нет повода встречать моих послов с распростертыми объятиями, однако причин точить зуб на рейх у него все-таки больше. Война сто лет назад, после которой Франция потеряла значительные территории на востоке... Сейчас самое время попытаться их вернуть. Если Жозеф согласится...

– А если нет? – фыркнул я. – Но дело даже не в этом, мой краснокожий друг. Я не стану спорить – тебе и правда сейчас нужны союзники. Хоть французы, хоть японцы, американцы или сам папа римский... Но почему ты хочешь отправить к Жозефу меня?!

– Авторитет Горчаковых сейчас высок. И среди знати, и даже в армии, – улыбнулся Павел и коснулся кончиками пальцев собственного погона. – Ты куда лучше любого министра смыслишь в вооружении. Да и боевого опыта у тебя побольше, чем у некоторых генералов, которые всю жизнь протирали штаны в Генштабе.

– Может, и так. – Я старательно пропустил неприкры-

тую лесть мимо ушей. – Я действительно кое-чему научился за последний год. Но военные альянсы, политика на уровне держав... Ну какой из меня переговорщик? И потом – сейчас я намного нужнее тебе здесь! Новые панцеры, оружие для армии, реформы Госсовета...

– Думаешь, все производство разом встанет, если сиятельный князь Горчаков ненадолго покинет страну? – усмехнулся Павел. – А что касается реформ – меня ты уже убедил, а этого достаточно, чтобы подписать столько указов, сколько будет нужно.

– Думаешь? – Я чуть прищурился. – Кое-какие из них я выгрызаю уже чуть ли не полгода. И не могу сказать, что удачно. Князья клянутся в вечной дружбе и мне, и особенно деду, но отказываться от привилегий все-таки не спешат.

– Откажутся. Я все-таки император-самодержец. – Павел чуть сдвинул брови – но тут же рассмеялся. – Да и Багратион в этом вопросе всецело на твоей стороне. И уж тем более министерства и генералы – уж кто-кто, а они с радостью прижмут старые рода.

– Старые рода сами с радостью прижмут кого хочешь, – проворчал я. – Особенно сейчас, когда они – с твоего, между прочим, дозволения! – одним махом перерезали всех врагов государства. И особенно если я вдруг надолго исчезну из столицы.

– Как-нибудь справлюсь. – На мгновение в глазах Павла мелькнула тоска. – Я не забыл, что обязан буквально всем и

родам, и лично тебе, княже. Но ты ведь понимаешь, что кое-что в столице пока еще решаю я. И только я.

– Государственный совет формально является совещательным органом. Разумеется. – Я пожал плечами. – Однако император обычно прислушивается к его рекомендациям. В сущности – почти всегда. Случаев, когда кто-то из твоих предков открыто возражал, было всего несколько. И все они завершились... печально.

– Надеюсь, ты не собираешься угрожать мне дворцовым переворотом? – буркнул Павел. – Я не дурак, княже. И прекрасно понимаю, что перегибать палку тоже нельзя.

– А как тогда? – Мне вдруг почему-то до неприличия захотелось улыбаться, хоть тема беседы к тому явно не располагала. – Будешь выдавать пируэты между аристократией, военными, промышленниками и простым народом, пытаешься угодить всем одновременно?

– Ну... да. Как делал бы на моем месте любой государь. – Павел откинулся на спинку кресла и негромко рассмеялся. – Который хочет править дольше, чем год или полтора! Именно так, княже: пытаться угодить всем.

Чуть заискривший между нами лед растаял, будто мы на мгновение снова стали бестолковыми юнкерами-первогодками, а не императором и наследником самого влиятельного рода в столице. Павел говорил отнюдь не приятные вещи – зато хотя бы говорил честно. А я...

Пожалуй, не мог ни в чем его обвинять – да, в общем, и

не хотел. Как сказал дед, будущего государя с младых ногтей учат править, разделяя и властвуя. И на месте Павла я бы, вероятно, говорил и делал то же самое.

Как и любой государь – который хочет править дольше, чем год или полтора.

– Ладно, убедил. – Я махнул рукой. – Значит, Франция?

– Париж, – вздохнул Павел. – Официально поедешь представителем министерства иностранных дел в чине статского советника. По некоторым причинам я не смогу назначить тебя руководить переговорами с Жозефом. Но ты должен знать...

– Так. Стоп. – Я поднял руку. – Может, все-таки расскажешь, что ты задумал на самом деле, величество? Почему отправляешь меня, хотя в твоём распоряжении целый дворец придворных, Генеральный штаб и вообще вся страна?.. Только не надо рассказывать про мою незаменимость, ладно? – Я поморщился. – Ты или зачем-то решил удалить меня из столицы, или...

– Нет, княже! – чуть возвысил голос Павел. – Все куда проще: мне нужен в составе делегации свой человек.

– Свой? – насмешливо переспросил я. – А остальные тогда – чьи? Или ты не доверяешь собственным подданным?

– Не совсем... Не совсем так. – Павел почему-то чуть покраснел, будто мои дурацкие вопросы его изрядно смущили. – Мне нужен тот, кому я буду доверять не на сто, а на двести процентов. Не какой-то там придворный, генерал

или болван из министерства иностранных дел – а именно ты, княже.

– Ну, если уж тебя почему-то не устраивают генералы...

– Ты добудешь мне этот союз. Любой ценой, слышишь меня, княже: любой! – Павел тряхнул головой. – Остальные делегаты будут говорить то, что можно, но ты нужен там говорить то, что нельзя. Пообещай Жозефу золото, династический брак, оружие, преференции в торговле, все наши колонии или освобождение от таможенных пошлин хоть на тысячу лет вперед – но не возвращайся без подписанного пакта!

На мгновение показалось, что Павел спятил... Но нет – его величество, похоже, говорил совершенно серьезно. И действительно требовал от меня невозможного.

– Как? – усмехнулся я. – Как я, по-твоему, это сделаю? Стоит хотя бы заикнуться о половине из того, что ты назвал, – и другие делегаты сожрут меня заживо.

– Значит, если придется, обойдешься без них.

Когда на стол передо мной лег тяжелый перстень, странно-шутливое настроение как ветром сдуло. По спине даже пробежал холодок – и я вдруг вспомнил, где сижу. И кто сидит прямо передо мной.

– У тебя будет право говорить от моего имени. Принимать решения, не спрашивая никого... даже меня. – Павел говорил медленно и веско, будто забивал гвозди. – На таких встречах часто тянут время, советуются, отправляют телеграммы в столицу, но это слишком долго. Возьми Жозефа

за жабры и не отпускай, пока он не поклянется выступить против рейха на нашей стороне. Пока этот перстень у тебя, – увесистое украшение еще чуть придвинулось ко мне по столу, – любое твое слово следует понимать, как волю российского государя.

Я только и смог, что кивнуть; язык будто прилип к небу. За год после аварии, едва не отправившей меня на тот свет, я повидал многое – и искренне предполагал, что удивить меня больше не сможет никто и ничто. Но такое...

Павел фактически наделил меня властью, равной императорской, пусть лишь временно и исключительно в вопросах переговоров с французским монархом. Не знаю, достаивался ли подобной чести хоть кто-то из Горчаковых... да и вообще хоть кто-нибудь за последние лет этак пятьдесят. Даже дед не рассказывал о подобном – а уж он-то видел и помнил вообще все на свете.

– Надеюсь, ты меня не подведешь, княже. – Павел явно через силу выдавил из себя улыбку. – Ты ведь понимаешь, что о... скажем так, некоторых подробностях нашей беседы лучше не знать никому за пределами этой комнаты.

– Более чем, – буркнул я. – Если честно, я и сам постараюсь забыть, что на меня навесила твоя монаршая воля, чтоб ее.

– Ага... Ну и так, на всякий случай, – чуть нахмурился Павел, – про отдать Жозефу наши колонии – это я не серьезно.

– Правда? Очень жаль, – беззлобно огрызнулся я. – Боюсь, без этого убедить его величество будет непросто.

Глава 9

– Сегодня ты подозрительно плохо ешь, – задумчиво проговорил дед. – Однако выглядишь здоровым. Значит, дело или в несчастной любви, или в политике. К сожалению, о твоих амурных похождениях я знаю предостаточно, так что остается второе.

Я сделал вид, что не услышал. Потом уткнулся взглядом в тарелку с омлетом и принялся орудовать вилкой так, будто от этого зависела моя жизнь... Вот только избавиться от деда, конечно же, не вышло.

– Можешь поделиться мыслями, – усмехнулся он. – И тогда станет полегче. Наверное.

Конечно, я не стал держать в тайне от старика нашу беседу с императором. Рассказал, как только вернулся из города в Елизаветино, хоть и умолчал о подаренном перстне и чрезвычайных полномочиях на переговорах. Но обсудить с дедом мой отъезд в Париж пока еще не успели.

И вроде бы даже не собирались... кажется.

– Ты хочешь разговаривать о политике во время завтрака? – поморщился я. – Аппетит у меня, как ты верно заметил, и без того так себе.

– Это пройдет. – Дернул плечом дед. – А вот политика останется с тобой – теперь уже до самого конца жизни. Привыкай.

– Непременно. Сразу после завтрака начну.

В одном дед точно не ошибся – настрой у меня действительно был, что называется, на тройку с минусом. И кусок не лез в горло именно из-за событий: как прошедших, так и тех, которым еще только суждено было случиться. И огрызаться хотелось по аналогичной причине – можно сказать, просто так, а не потому, что на деда некстати напало желание побеседовать.

– Догадываюсь, что ты сейчас не в восторге, – неожиданно мягко проговорил дед. – Но что именно тебя так смущает?

– Честно? Все! – не выдержал я. – Почему Павел хочет убрать меня из столицы? Я хоть сейчас назову полтора десятка князей, которые годятся для переговоров с Жозефом Бонапартом куда лучше! В чем вообще смысл?

– Понятия не имею. – Дед развел руками. – Я могу запросто придумать десяток причин: от совершенно безобидных до грозящих мучительной смертью. А тебе стоит иметь в виду не только то, что в чужих словах и поступках порой есть второе дно... Но также и то, что порой этого самого второго дна нет.

– Ты хочешь сказать...

– Павел действительно может верить, что твое присутствие на переговорах с императором Жозефом склонит чашу весов в пользу России. – Дед чуть склонил голову. – И этот вариант ничуть не хуже любого другого. Хотя лично я скорее вижу здесь другой: абсолютно беспроектный для

Павла, но весьма сомнительный для тебя... к сожалению.

– Какой это именно из десяти? – мрачно усмехнулся я. – Безобидный или грозящий смертью?

– Примерно посередине. – Дед подтянул поближе кружку с чаем. – Император не прогадает в любом случае. Если ты справишься, он получит Францию в союзники и наверняка закончит войну еще до зимы.

– А если нет?

– Тогда – получит повод обвинить тебя в неудаче и оттереть и от двора, и от общества старших родов, – ответил дед. – И это фактически будет означать если не конец твоей политической карьеры, то изрядную потерю репутации.

– Проигравшие неинтересны никому, – буркнул я.

– Именно так, Саша. Курочку Рябу холят и лелеют, лишь пока она производит золотые яйца. – Дед осторожно подул на чай. – Но стоит один раз снести обычное...

– Зарежут и отправят в суп?

– Не исключено. Впрочем, я бы на твоем месте не переживал на сей счет. Наверняка избежать возможных последствий можно только одним-единственным способом: отказаться от поездки. Но ты ведь не собираешься?..

– Нет, – вздохнул я. – Конечно же, не собираюсь.

– Тогда просто не забивай голову. – Дед небрежно шевельнул кистью. – По крайней мере, пока не встретишься лично с Жозефом.

– Пожалуй, ты прав.

От меня действительно ничего не зависело... почти ничего. Я едва ли мог бы избавиться от поручения Павла, не испытыв на себе монарший гнев – со всеми вытекающими последствиями. А значит, оставалось только принять совет дед: выдохнуть и не накручивать себя раньше времени. Так или иначе, присутствовать на переговорах все равно придется.

И лучше уж привезти обратно в Петербург подписанный Жозефом союзный пакт, а не бесполезные оправдания.

– Ты прав, – повторил я, откладывая вилку в сторону. – Но мне все равно никак не понять, в чем подвох. Неужели Павел действительно готов рискнуть отношениями с Францией ради того, чтобы иметь возможность...

– Можешь не продолжать. Не стоит говорить дурного об августейшей особе – даже когда, как ты думаешь, тебя никто не слышит, – усмехнулся дед. – Однако не надо и переоценивать важность союза с Жозефом Бонапартом. Что бы Павел ни говорил о его необходимости – это всего лишь удачный и предпочтительный вариант, и все же никак не единственный.

– То есть?..

– В мире – даже в Европе – и без Франции найдется достаточно держав, которые пожелают пощипать округлые бока рейха. – Дед отхлебнул чай и поставил кружку. – Особенно когда немцы начнут проигрывать войну.

– Не могу в полной мере разделить твой оптимизм, – вздохнул я. – Хоть и догадываюсь, откуда у него растут ноги.

Мне уже приходилось слышать, что армия рейха не способна долго воевать на чужой территории, про отсутствие единого командования, про разношерстность офицеров и...

– Но все так и есть! Германская империя – лоскутное одеяло, состоящее из пары десятков кусочков ткани разных цветов и размеров, и к тому же еще и сшитое тонкими нитками. Не единое государство, а скорее альянс, который возглавляет кайзер, выбранный советом старейших родов.

– Возглавлял, – поправил я. – Сейчас всем заправляет канцлер фон Каприви, а супруга и дочь покойного Вильгельма испарились неизвестно куда... Интересно, где они могут быть?

– Какая разница, – отмахнулся дед. – По законам рейха обе не имеют никаких прав на корону... да и вряд ли хоть кто-то в Вене сейчас заинтересован в сохранении династии Габсбургов. Подозреваю, что Каприви вообще не собирается в ближайшее время инициировать выборы нового кайзера. Вздумай он заняться этим сейчас – и все старые рода рейха тут же перегрызутся между собой... – Дед усмехнулся и покачал головой. – Впрочем, они и так перегрызутся, как только германское воинство потерпит хоть одно по-настоящему серьезное поражение.

– Хочется верить. – Я подпер кулаком подбородок. – Но пока вести из Варшавы лично меня не радуют.

– Варшава падет... скорее всего – падет, – невозмутимо отозвался дед. – Но даже это только отсрочит неизбежное

– причем отсрочит совсем ненадолго. Один хороший удар по носу – и рейх, этот колосс на глиняных ногах, разлетится на части. Треть входящих в Священную Римскую империю германской нации государств, городов и княжеств уже сейчас наверняка не хотят отправлять своих солдат умирать под Варшавой за амбиции Каприви... Слишком хорошо Европа еще помнит судьбу Наполеона Бонапарта. А он, между прочим, полтора века назад прошел куда дальше Варшавы. И к тому же обладал влиянием и возможностями даже побольше тех, что сейчас есть у кайзера.

Дед, похоже, даже не пытался мне ничего доказать – он лишь излагал факты, которые самому ему казались не просто очевидными, но и чуть ли не общеизвестными. И мне... пожалуй, хотелось верить ему – куда охотнее, чем Шестопалову с его рассуждениями о затяжном противостоянии с немецким войском, всеобщей мобилизации и тактическом отступлении чуть ли не до Урала.

– Не думай, что я просто старый дурак, который верит в могущество Одаренных родов и мощь русского оружия, как в какого-нибудь идола или икону. – Дед улыбнулся. – Сейчас картина боев под Варшавой выглядит совсем непривлекательно – и это изменится не так скоро, как хотелось бы. После чистки, которую устроил Багратион, в Генеральном штабе та еще неразбериха, и принять командование над всей императорской армией попросту некому. Но рано или поздно это закончится, и тогда все будет именно так, как я ска-

зал: рейх проиграет сражение – и его границы тут же начнут грызть буквально со всех сторон. Османы подожмут хвосты и уползут обратно к Стамбулу, а все европейские монархи наперебой примутся клясться Павлу в вечной дружбе.

– Звучит убедительно. – Я откинулся на спинку стула и заложил руки за голову. – Настолько, что мне даже удивительно, как канцлер Каприви сам не пришел к подобному выводу. Может, у него нет твоего опыта, вот только вряд ли во главе целой империи мог встать... идиот.

– Нет, Каприви не идиот. – Дед нахмурился и покачал головой. – Кто угодно, но только не идиот. И коли уж он ввязался в такую сомнительную авантюру, то у него наверняка или не было выбора, или были особые причины.

– Какие? – Я на мгновение задумался. – Что могло заставить рейх напасть на Россию вместо того, чтобы хотя бы выбрать врага послабее?

– Могу только догадываться. Но дело явно нечисто. – Дед облокотился на стол. – Особенно если учесть, что покойный кайзер Вилли на самом деле был знатным пацифистом и либералом. С него вполне стало бы сохранить мир даже ценой потери трети Германской империи.

– Думаешь, поэтому его и убили? – Я тут же наострил уши. – Канцлер Каприви вполне мог...

– Не спеши с выводами, Саша, – погрозил мне пальцем дед. – На поверхности всегда лежит очевидное, а истина частенько скрыта куда глубже. Конечно, Каприви извлечет

немалую выгоду из происходящего, особенно если сможет пристроить корону кайзера на голову собственного ставленника, но затеять такое в одиночку он вряд ли мог. А значит, либо у него есть союзники вне рейха... либо на самом деле вне рейха нужно искать даже самую причину войны.

О подобном я, конечно, думал – но без особого фанатизма... а, пожалуй, стоило бы. Войска у границ Царства Польского, визит в Варшаву, неожиданная и одновременно запланированная кем-то гибель миролюбивого кайзера – и незамедлительный ответ рейха. Картина действительно получилась слишком уж наглядной и яркой, чтобы не заподозрить подвох и чью-то руку под толстыми мазками.

– Разумно, – кивнул я. – И какой вариант тебе кажется более вероятным?

– Не знаю... Пожалуй – оба одновременно. – Дед невесело усмехнулся. – Однако если враги рано или поздно вылезут и сами по себе, то причину придется долго выкапывать. И это вряд ли вообще можно сделать здесь.

– За столом в Елизаветине?

– В Петербурге, – вздохнул дед. – Но у тебя, пожалуй, будет возможность заглянуть прямо в котел с этим адским варевом, когда отправишься в Париж.

– Главное – не окунуться в него с головой. – Я взглянул на висящие на стене часы. – Пожалуй, мне пора. Нужно собираться в город, а потом...

– Подожди. – Дед вдруг улыбнулся – неожиданно и как-то

странно-неуклюже, точно сам стеснялся собственных слов. – Можешь уделить своему старику еще пару часов?

– Д-да... конечно. Как пожелаешь.

От удивления я даже ответил не сразу. Дед никогда не задерживал меня без надобности – а чего-то подобного и вовсе не говорил на моей памяти. Но отказывать ему я, конечно же, не стал.

– Вот и славно. Тогда собирайся и выходи к лесу. – Дед отодвинул стул и поднялся. – Давненько мы с тобой не упражнялись, верно?

Глава 10

– В целом неплохо... для какого-нибудь пехотного генерала, – вздохнул дед. – Но ты должен работать точнее. Еще раз!

Да твою ж... Кончики пальцев еще горели от избытка хлестнувшей сквозь тело магии, а дед требовал продолжения. Не то чтобы я уже был готов рухнуть от усталости, однако боевые заклятья на грани пятого и четвертого классов давались не без труда.

Впрочем, то, чему учил меня дед, сложно было назвать заклятьем – куда ближе это оказалось к управлению чистой энергией Дара.

– Ладно, попробую, – проворчал я.

И в очередной раз собрался для атаки, попутно зачерпнув из Источника (собственных силенок уже не хватало). Магия трепыхалась, так и норовя сорваться в свободный полет, а я не выпускал: держал, как мог, стискивая почти неуправляемый поток в тонкий луч. Больше всего это походило на попытку загнать бурную реку в трубу толщиной в палец: получалось, но давление было колоссальным. Впрочем, даже такого деду точно не хватило бы – и я сжимал еще и еще, пока не скомкал всю мощь буквальной в одной точке.

И только тогда ударил. На этот раз вышло куда сильнее, чем в предыдущий: Игла получилась на славу. Такой силь-

ной, что прошла Щит, почти не встретив сопротивления. Я запоздало сообразил, что остановить поток уже не смогу... и не смогу даже отвести в сторону. Вырвавшаяся на волю магия готова уже готова была впиться деду прямо между пуговиц пиджака...

Однако вместо этого вдруг брызнула в стороны. Могучая, но хрупкая структура Иглы не выдержала и с воем развоплотилась, а сам я от неожиданности отшатнулся и, не удержав равновесие, уселся задом в траву. Ощущение было такое, будто в моих руках только что лопнул и разлетелся на несколько частей металлический лом.

– Извини, – усмехнулся дед. – Не думал, что ты ударишь так сильно... Пришлось закрываться.

– Не понимаю. – Я с кряхтением поднялся на ноги. – Как ты смог?... У тебя что, там еще и Латы?

– Нет. – Дед дернул плечом. – Самый обычный Щит.

– Чего? Щит? – переспросил я. – Под другим Щитом?

– Ну да. Второй. Или даже третий – если бы понадобилось. – Вид у деда был такой, будто он говорил о чем-то совершенно обыденном. – Магу высших классов положено уметь создавать несколько заклятий одновременно... На самом деле это не так уж и сложно.

– Все равно не понимаю.

Я на мгновение снова почувствовал себя бестолковым недорослем-лицеистом. Всякий раз, когда казалось, что еще немного – и самая крутая магия сама упадет мне в руки пе-

резрелым плодом, дед показывал еще один выкрутас... и на деле оказывалось, что высшие сферы родового Дара от меня так же далеки, как и раньше.

– Второй Щит я бы тоже пробил, – проговорил я, – раз уж прошел первый.

– Прямым ударом – разумеется. Но я отбил твою Иглу, подставив его под углом. – Дед пояснил слова парой жестов. – И структура не выдержала – поэтому тебя и откинуло. Когда-нибудь и ты этому научишься.

– Использовать Дар врага против него самого?

– Можно сказать и так. Но не только это. – Дед перехватил трость за набалдашник и неторопливо проговорил: – Еще – следить противником, разгадывать его ходы, бить сразу несколькими разными заклятиями и чистым Даром одновременно. Обманывать, переигрывать, а не работать грубой силой. Схватка двух опытных магов – это не потасовка и даже не английский бокс, а...

– Фехтование? – догадался я. – Шпага, рапира...

– Уже ближе. – Дед удовлетворенно кивнул. – Хотя я скорее назвал бы это шахматами. У меня достаточно сил создать сверхмощный Щит, а ты сможешь пробить Кладенцом или Копьем – а уж Иглой тем более. Но в итоге победа достанется тому, кто сможет обхитрить противника, перехватить и разрушить его потоки магии – а своими ударить в незащищенное место. И не обязательно сильно... Иначе во всех этих плетениях и структурах не было бы вообще никакого смыс-

ла, и Одаренные просто лупили бы друг друга магией, как дубиной.

– Кажется, понял, – вздохнул я. – Попробуем еще раз?

– Пожалуй, не стоит. – Дед протяжно вздохнул. – Что-то мне сегодня тяжело. А еще... я хотел поговорить с тобой, Саша.

Последние слова дались старику с явным трудом – и дело явно было не в усталости. Или не только в ней. Будто дед уже очень долго оттягивал какую-то неприятную беседу. И теперь время для нее наконец настало.

– Как пожелаешь. – Я отряхнул одежду. – Пройдемся до реки?

– Можно и туда. Только не спеши, пожалуйста.

Нас разделяли почти восемь десятков лет, и все же дед обычно без труда шагал со мной вровень. А вот сегодня прогулка стоила ему куда больших усилий: я сначала пошел медленнее, потом остановился, а потом и вовсе вернулся назад, чтобы аккуратно взять старика под руку.

Сам бы он, конечно, ни за что не попросил – но и возражать тоже не стал.

– Думаю, ты уже догадываешься, что я хотел тебе сказать, – негромко проговорил дед.

– Если честно – нет. – Я осторожно переступил через поваленное дерево. – Слишком много вариантов. Особенно сейчас.

– Я теряю силу, Саша.

– Что?! Не говори глупостей, – отмахнулся я. – Просто тяжелый день. Мой Дар растет, я лучше чувствую Источник, и нет ничего удивительного, что даже тебе теперь непросто...

– Я теряю силу, – повторил дед. – Вообще это сложно не заметить. Так что ты или очень неуклюже пытаешься мне польстить, или действительно не видишь... Тебе известно, как с годами меняется сила Одаренного.

– По-моему, только растет. – Я пожал плечами. – Ты уходил со службы в третьем классе, а сейчас, пожалуй, справился бы даже с Багратионом. А он, между прочим, уже...

– Ну... почти все верно. За исключением Багратиона, – вздохнул дед. – С ним бы я, к сожалению, не справился. Теперь уже нет.

– Теперь?

– Каждый Одаренный получает ровно столько силы, сколько ему отпущено. Конечно, упражнения, родовой Источник и даже возраст могут ускорить развитие и даже чуть превысить естественный предел, и все же в целом мощь Дара – это скорее врожденное свойство. – Дед говорил размеренно, будто зачитывая по памяти какую-то очень старую книгу. – И ты прав – магические способности действительно нарастают в течение всей жизни... кроме самого ее конца, Саша.

Я промолчал. И так уже понял, к чему дед клонит, но проносить подобное вслух не было никакого желания.

Да чего уж там – даже слушать не хотелось.

– У кого-то резерв настолько колоссален, что его может хватить хоть на несколько веков... наверное. Но даже для не самого выдающегося мага сотня с небольшим лет – вполне обычный срок жизни... особенно если он бережет себя, – продолжил дед. – Перегружать Дар, пожалуй, даже вреднее, чем рвать спину. Можно выгореть.

Я с трудом заставил себя промолчать и не высказать деду за дуэль с Куракиным. Мы ни разу не поднимали эту тему, однако я и без всяких разговоров прекрасно знал, откуда старик вернулся в то злосчастное утро. И почему три дня лежал пластом, питаюсь одним теплым молоком.

– Может, это со мной и случилось... не знаю. – Дед замедлил шаг и еще чуть сильнее оперся на мою руку. – А может, просто пришел мой срок, вот и все. Разницы, в сущности, никакой: уж если сила начала уходить, то это не остановить никак.

– А замедлить? – Я сжал зубы. – Ты ведь можешь подпитываться от Источника... или от меня – резерв развивается, ты сам говорил, и его может хватить на двоих. На десять-двадцать лет или...

– Спасибо, Саша. Это достойная мысль, – усмехнулся дед. – Глупая – но достойная. Беда в том, что накачивать меня Источником – все равно что пытаться наполнить водой решето. Можно лить сколько угодно – не поможет. И дыры в решете с каждым днем будут становиться только крупнее. На мгновение мне захотелось развернуться и вклепить де-

ду оплеуху. Он совершенно обыденным тоном говорил то, о чем я не хотел даже думать... но думать приходилось.

– Постой... Дай мне отдышаться. – Дед остановился. – Никакой ошибки, к сожалению, быть не может. Для тебя разницы почти нет, но я-то чувствую, что за последний месяц ослабел чуть ли не вдвое. К осени – еще вдвое, и потом...

– Сколько? – тихо проговорил я. – Сколько... осталось?

– Хотел бы я и сам это знать, – горько усмехнулся дед. – Может, две недели, месяц, а может быть – год. Я не стал бы заводить этот разговор, но ты уезжаешь. А к своему возвращению рискуешь застать меня впавшей в маразм развалиной... Или не застать вообще.

– Дед...

– Помолчи, пожалуйста. Мне не так просто говорить, как раньше. – Дед чуть сжал мой локоть пальцами. – Я уже позаботился обо всем. Завещание, титул, документы, безоговорочное признание наследства, свидетели и доверенные лица... в общем, не забивай этим голову. Во всяком случае – не сейчас. Родовой Источник тебя примет – в этом уже сейчас нет никаких сомнений. Надеюсь, ты справишься со всем, что свалится на тебя, когда я... уйду. – Дед вздохнул и медленно зашагал дальше, опираясь на трость. – И сможешь разобраться, кому можно доверять.

– Никому, – мрачно усмехнулся я. – Доверять нельзя никому.

– О-о-о... Похоже, мои усилия не пропали напрасно. – Дед

улыбнулся. – Кое-чему ты все-таки научился.

Я тоже вымучил улыбку – но она наверняка вышла похожей на какую-то уродливую гримасу или звериный оскал. Мне уже случалось видеть смерть: на моих руках умер Костя, я видел, как падают юнкера на палубу «Бисмарка». Помнил, сколько бойцов осталось лежать на отмели, когда я вел свою маленькую армию штурмовать Зеленую Рощу. Да чего уж там – и сам не раз оказывался на волосок от гибели, спасаясь лишь благодаря немыслимой удаче, явно рассчитанной на полсотни человек, а не на одного.

Вот только тогда все было иначе. Схватка со смертью всегда проходила... нет, не на равных, конечно же, – но я все-таки мог защитить и себя, и других. Подставить Щит, укрыться, хлестнуть в ответ убойной магией или свинцом из винтовки Судаева. Бороться, пока оставался хоть какой-нибудь смысл – и даже тогда, когда никакого смысла уже не было.

Но деда забирало у меня то, с чем я сразиться не мог.

– И что... что теперь? – кое-как выдавил я. – Что мы...

– Будем делать? – улыбнулся дед. – Пойдем обедать. Я, кажется, проголодался.

Глава 11

Летать за семнадцать с половиной прожитых на этом свете лет мне еще не приходилось ни разу. Хотя всякие воздушные машины я, разумеется, видел. Цветастые шары, наполненные горячим воздухом, что непременно появлялись в небе над Петербургом в дни больших народных гуляний. Юркие аэропланы, вошедшие в моду у столичной знати пару лет назад – и уж тем более интересные теперь, когда их начали активно использовать в боях войска рейха.

Но в первую очередь, конечно же, дирижабли. Огромные поблескивающие металлом сигары летали над городом нечасто. Видимо, из соображений безопасности, а может, их просто сложно было разглядеть сквозь навечно прописавшиеся на столичном небе облака и мрачные серые тучи. Но в погожие дни вальяжно проплывавшие на невероятной высоте воздушные суда смотрелись, без сомнения, эффектно – даже издалека.

А уж вблизи тем более. Я еще неделю назад ради интереса изучил все технические характеристики машины, которой предстояло доставить российскую делегацию прямым ходом в Париж. Впрочем, большую часть точных значений уже успел забыть – и мощность моторов, и весьма солидный запас хода, и размеры гондолы с отсеками для топлива, пассажиров и команды, и прочие цифры. В память почему-то

врезалась только полезная нагрузка и длина корпуса – двести семьдесят четыре метра. Поистине колоссальный показатель, заслуженно принесший «Петру Великому» то ли третье, то ли вообще второе место в мире среди дирижаблей жесткого типа.

Неудивительно, что взлетать ему приходилось со специальной площадки за Царским Селом – в городе для такой махины попросту не нашлось бы места. Со стороны подъезда, из машины, гондола казалось крохотной. Забавной вытянутой коробочкой, прилепленной к округлому брюху дирижабля. Казалось немыслимым, что она вообще способна вместить и запас топлива на тысячи километров пути, и команду, и делегацию из почти двух десятков человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.